

3 1761 06412234 4

Н. Толстой и Тихонъ Задонскій.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

или

КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

VJ
1581
.2
T6262
1919
с.1
ROBARTS

Издательство.

«Русская мысль».

НЬЮ - ЙОРКЪ.

1919 года.

КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ИЛИ

ПУТЬ ЖИЗНИ.

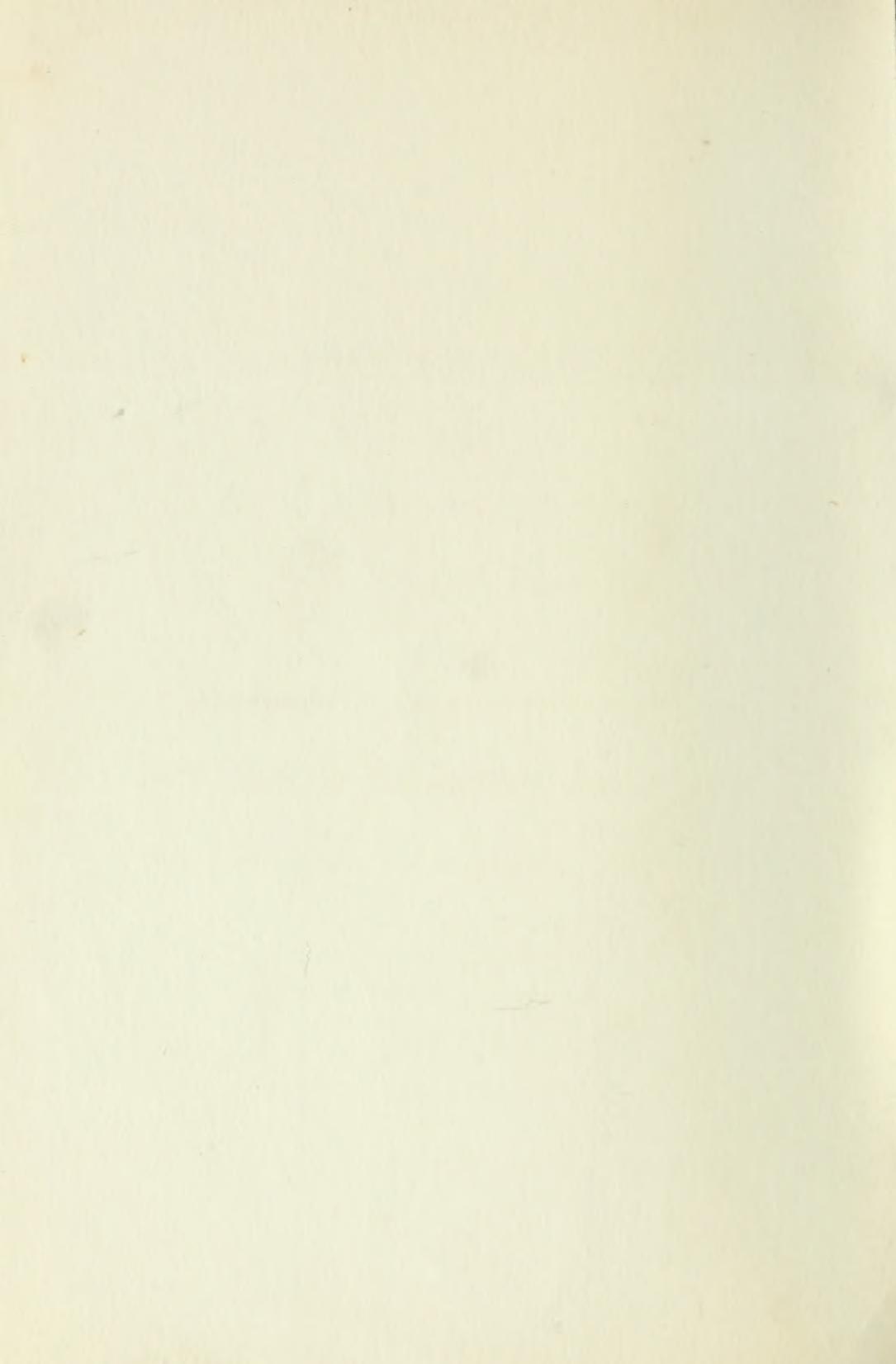
Л. Н . Толстой и Тихонъ Задонскій.

Пророки и Вѣстники Русской революціи,

Издательство
„Свободная Русская Мысль“.

НЬЮ - ЙОРКЪ.

1919 года.

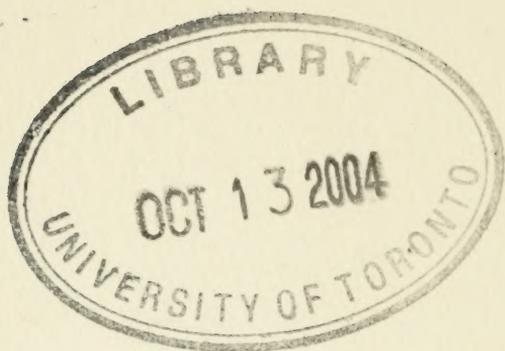
Ш,

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Тих. Задонскаго: О Правдѣ и Кривдѣ стр. 1.

Л. Н. Толстого: Единственное Средство . . . 59

Л. Н. Толстого: Неужели это такъ надо . . . 95

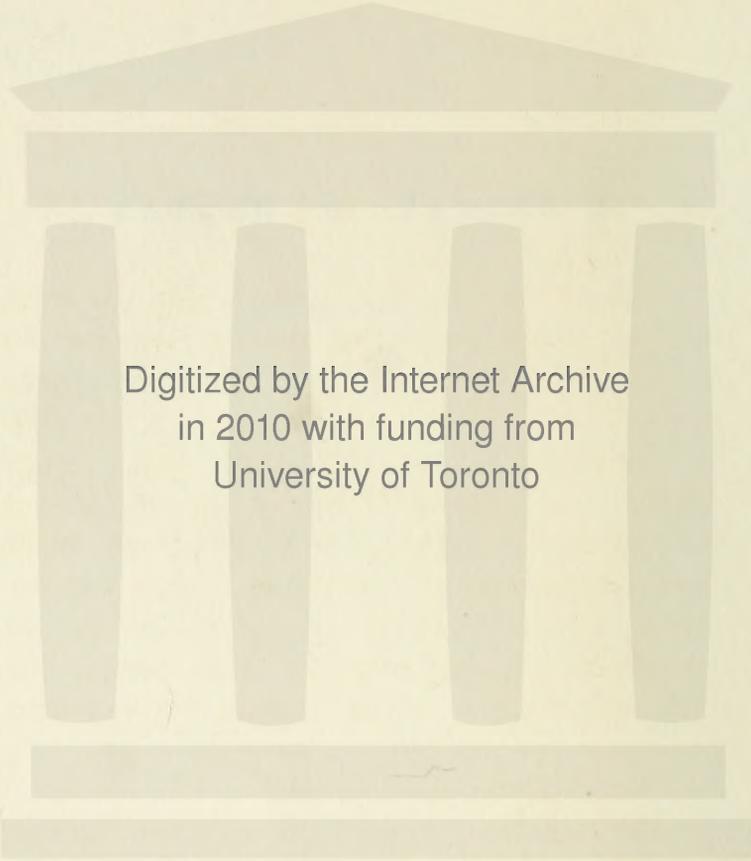

LIBRARY

OCT 13 2004

UNIVERSITY OF TORONTO

О Правдѣ и Кривдѣ

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

О ПРАВДѢ И КРИВДѢ.

Все минется,
Одна Правда останется.

ДУМА.

Царить Кривда по всей землѣ. Широко, отъ моря до моря раскинулось царство ея и не видно ему конца, а нѣтъ на землѣ ни одинаго уголка, гдѣ-бы царила Правда!

Пойдешь ты по деревнямъ: весь народъ мается на каторжной работѣ, а не знаетъ ни отдыха, ни радости. Ъсть онъ сухой хлѣбъ слезами поливая, спитъ на сырой землѣ, горемъ подстилаячи. А маленькая кучка помѣщиковъ да кулаковъ во всю жизнь ничего не дѣлаеть, а не знаетъ, куда дѣвать богатствъ своихъ!

Развѣ это по правдѣ?

Нѣтъ здѣсь Правды: это царство Кривды.

Пойдешь ты по городамъ—и здѣсь по фабрикамъ да по заводамъ тысячи народу съ утра до ночи мучатся, какъ въ аду кроминомъ и мрутъ съ голоду. А кучка богатыхъ сорить ихъ кровавымъ трудомъ до-

бытыя денежки и еще помыкаетъ ими!

Развѣ это по правдѣ?

Нѣтъ здѣсь Правды: это царство Кривды!

Пойдешь-ли ты по палатамъ, по дворцамъ, по властямъ, по судамъ, и нигдѣ не найдешь ты въ нихъ правды: одну обиду творять тамъ бѣдному, одно потворство богатому.

И пойдешь ты на восходѣ, пойдешь на закатъ солнца, пойдешь на полдень, пойдешь на полночь, и не дойти тебѣ до такого уголка, гдѣ-бы царила Правда.

Возьмешь ли ты крылья орлиныя и полетишь ли за горы высокія, за сини моря ли широкія и облетишь ли всѣ земли, всѣ области, гдѣ слышна только рѣчь человѣчья, — и не найти тебѣ края счастливаго, гдѣ правда людьми управляла бы!

И заплачешь ты горькими слезами, что Кривда убила Правду и что нѣтъ ужъ больше Правды на всемъ свѣтѣ.

Не плачь! Не убить Кривдѣ Правду, не побороть ее во вѣки вѣковъ! Скорѣй солнце померкнетъ, скорѣй горы сойдутъ съ мѣстъ, чѣмъ Кривда поборетъ Правду!

Всѣмъ владѣетъ Кривда. Ходитъ Кривда въ парчѣ, въ золотѣ, ѣсть яства сахарныя, пьеть вина заморскія; живетъ Кривда во

дворцахъ и палатахъ; окружила себя Кривда стѣнами высокими да стражей могучею, чтобъ не могла достать ее злая супротивница Правда-матушка.

А у Правды нѣтъ ни палатъ, ни дворцовъ, ни казны золотой. Правда лыкомъ подпоясана, Правда въ ветошку одѣта, босоногая, голодная, безъ пріюта, безъ пристанища.

И все таки Правда сильнѣе Кривды!

Крѣпко защитила себя Кривда, Велика ея рать сила могучая: можетъ шапками Волгу вычерпать! Высоки ея стѣны зубчатыя: въ небо самое упираются! Да не защитятъ ее ни стѣны высокія, ни стража могучая, — Правда всюду ее высмотритъ и пробьетъ себѣ путь дорожку къ ней! И бѣжитъ отъ нея Кривда, да не можетъ убѣжать. Побѣжить ли она во темны лѣса, приткимъ зайцемъ перекинувшись, — а Правда за ней псомъ погонится! Кривда ль окунемъ перекинется и плеснется ль она въ сине море, а Правда за ней быстрой щукой! Кривда-ль ворономъ перекинется и взовьется-ль она по надъ тучами, — а Правда за ней яснымъ соколомъ! И нигдѣ не можетъ спастись Кривда: ни въ труппѣ лѣсной, ни въ глубинѣ морской, ни въ выси заоблачной! Всюду нагоняетъ ее Правда, потому она

быстрѣй ея. Всюду побиваетъ ее Правда, потому она сильнѣй ея!

Послушай, что я расскажу тебѣ и ты узнаешь какъ отъ начала вѣка Правда боролась съ Кривдой. Узнаешь какъ уже много разъ Правда побивала Кривду и какъ лукавая Кривда прикидывалась мертвою и Правда бросала ее недобитою. Узнаешь какъ потомъ Кривда снова поднимала свою поганую голову и снова хватала въ свои когти родъ человѣческій, пока Правда опять не побивала ее. И узнаешь ты, что наступаетъ теперь послѣдняя борьба Правды съ Кривдой и что не обмануть уже ей свою супротивницу, потому знаетъ теперь Правда, гдѣ самое сердце Кривды и уже надъ самымъ сердцемъ ея подняла она ножъ свой!

Г Л А В А I.

Искони вѣковъ на землѣ царить Кривда, потому что искони вѣковъ весь народъ стонетъ въ тяжелой неволѣ и мучится на работѣ, а маленькая кучка людей услаждается всѣми богатствами, что добываетъ народъ своимъ трудомъ и властвуетъ надъ нимъ.

Но какъ же далъ богатырь народъ забрать надъ собой такую власть этой ма-

ленькой кучкѣ людей? Вѣдь махни онъ только рукой богатырскою, вѣдь топни онъ лишь ногой объ землю и они, какъ горохъ, посыпались бы съ него!

Да они-бъ посыпались. — Да только не могъ пошевелить онъ ни рукой, ни ногой, потому что знали злодѣи его силу и сковали они его по рукамъ и по ногамъ!

И не одной, а тремя цѣпями сковали они его.

И первая то цѣпь — цѣпь поповская.

А вторая то цѣпь — цѣпь помѣщичья.

А третья то цѣпь — цѣпь купеческая.

Вотъ этими то цѣпями и сковали богатыря враги его и дѣлали съ нимъ, что хотѣли, потому что крѣпки были цѣпи, которыми они сковали его.

Самая страшная цѣпь — цѣпь поповская. Ею то прежде всего сковали народъ враги его и ее то труднѣй всего было разорвать ему.

Цѣпь поповская — это власть, которую имѣютъ надъ народомъ попы. Крѣпка эта власть, ибо ея корень глубоко въ сердцѣ человѣческомъ — это вѣра въ Бога. Этой то вѣрой и пользовались испоконъ вѣку попы, чтобъ забрать народъ въ свою власть.

Они говорили народу: ты видишь толь-

ко дѣла боговъ, намъ же они открыли все. И начинали они рассказывать народу про все, о чемъ ему такъ хотѣлось знать, о чемъ онъ много разъ спрашивалъ себя, но не могъ отвѣтить: рассказывали ему какъ боги міръ сотворили, рассказывали, гдѣ живутъ боги, что дѣлаютъ, рассказывали всю подноготную. И народъ слушалъ ихъ, боясь проронить слово и увѣрялся, что они точно должно быть съ богами бесѣдовали, когда такъ все знаютъ.

Тогда папы сказали ему: повинуйся же тому, что боги черезъ насъ прикажутъ тебѣ! Великая награда ждетъ тебя за это на томъ свѣтѣ. Если же ты хоть однимъ словомъ посмѣешь идти противъ насъ, тогда горе тебѣ! И они рассказывали ему про адскія муки, про огненные рѣки, про кипящую смолу, про раскаленные клещи, про моря червей и всякой гадины. И ' ужасъ охватывалъ самыхъ смѣлыхъ, потому что всѣ вѣрили, что боги взаправду все это открыли понамъ. И трепеталъ народъ передъ попами и исполнялъ онъ всѣ ихъ приказанія, потому что боялся адскихъ мукъ и думалъ, что за терпѣніе получить царство небесное.

Вотъ съ чего пошло рабство народа.

Вотъ когда началось на землѣ царство Кривды.

И страшное это было начало. Народъ не только потерялъ все — и волю, и богатства свои, онъ не только сталъ рабочей скотиной, но не смѣлъ даже подумать, что когда-нибудь ему удастся хоть немного облегчить свою горькую долю. Онъ зналъ, что и дѣти и внуки его будутъ также мучиться какъ и онъ, потому что попы увѣрили его, что народъ худшей породы, чѣмъ они. Они говорили, что боги сотворили поповъ, царей, вельможъ, всѣхъ властителей народа и всѣхъ господъ иначе, чѣмъ рабочій народъ, что, напримѣръ, они сотворены изъ головы божьей, а рабочій народъ изъ ногъ, или что они ведутъ свой родъ отъ самихъ боговъ, а простой народъ изъ земли выросъ, какъ трава, и что стало быть онъ всегда долженъ оставаться рабомъ ихъ и не смѣетъ даже подумать сравняться съ ними.

Три тысячи лѣтъ тянулось это страшное, неслыханное рабство и, казалось, что не будетъ ему конца, потому какъ въ черную осеннюю ночь потухаютъ всѣ огни небесные, такъ, казалось, потухла на землѣ всякая правда. Но правда не могла потухнуть! Какъ свѣтъ зари прогоняетъ ноч-

ную темноту, такъ и правда мало по малу проникла въ умы народа и прогнала она ложь. Поколебалась повсюду вѣра въ старыхъ боговъ, а съ нею вмѣстѣ и въ ложь поповскую.

То тамъ, то сямъ стали появляться люди, которые понимали всю ложь рабства и всего тогдашняго порядка. Но это были либо лицемѣры, которые понимали, гдѣ правда, но продолжали пользоваться плодами лжи. Либо трусы, которые не смѣли открыть правду народу, потому что боялись мести враговъ его.

Не такими людьми спасается родъ человѣческій!

Тогда-то явился на землю Иисусъ и сказалъ онъ понамъ и всѣмъ врагамъ народа: вы лжете народу для своей выгоды. Не должно быть между людьми ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни начальниковъ, ни подвластныхъ, ни господъ ни рабовъ. Всѣ люди—братья, и потому они должны быть равны какъ братья!

И затрепетали всѣ попы и всѣ власти имѣющіе, ибо увидѣли они, что приходитъ конецъ ихъ владычеству. И возрадовался весь народъ, потому что почувствовалъ онъ, что приближается часъ его освобожденія.

И вотъ, какъ горные потоки устремляются съ вершинъ горъ въ долины, такъ со всѣхъ сторонъ толпы народа стали сбѣгаться къ Иисусу, чтобы слушать великое ученіе его.

И обратилъ къ нимъ Иисусъ лицо свое и громкимъ голосомъ воззвалъ къ нимъ, воззвалъ ко всему роду человѣческому: придите ко мнѣ вы, всѣ страждущіе и обремененные и я успокою васъ, ибо ученіе мое благо, а бремя мое легко!

И призвалъ Иисусъ апостоловъ своихъ и сказалъ имъ: идите во всѣ концы земли и возвѣстите всѣмъ народамъ земнымъ вѣсть благую возвѣстите рабамъ освобожденіе, голоднымъ насыщеніе, плачущимъ утѣшеніе, ибо послѣ зимы скорби наступаетъ лѣто Господне благоприятное, послѣ царства лжи и утѣсненія наступаетъ царство правды, равенства, и любви.

И пошли апостолы во всѣ концы земли и возвѣстили они всѣмъ народамъ земнымъ благую вѣсть освобожденія и назвали они свое ученіе Евангеліемъ, что значитъ „**благая, добрая, радостная вѣсть**“.

И замучили враги народа Иисуса, замучили они всѣхъ апостоловъ его, замучили тьмы мучениковъ и кровью ихъ напоили всю

землю.

Но напрасно свирѣпствовали они. Не могли они искоренить ученія Иисусова, ибо не можетъ кривда побѣдить правды! Расло и множилось число учениковъ Иисусовыхъ и не могли истребить ихъ ни огнемъ, ни желѣзомъ, ни дикими звѣрями.

И не было тогда между христіанами никакой обиды, потому что все они любили другъ друга, какъ братья.

И не было никакого утѣшенія, потому что не было ни начальниковъ, ни подвластныхъ, а все были равны. Все жили, какъ живутъ родные братья. Вотъ что влекло народъ къ христіанамъ. Вотъ почему съ каждымъ днемъ расло и множилось число ихъ.

Наконецъ христіанъ стало великое множество повсюду. Они стали наконецъ сильнѣе язычниковъ и не далеко было то время, когда весь народъ перешолъ-бы въ ихъ вѣру. Тогда одинъ греческій царь, по имени Константинъ, рѣшился самъ перейти въ христіанскую вѣру. Не потому онъ сдѣлалъ это, чтобъ увѣровалъ въ Христа. Нѣтъ, это былъ человекъ жестокій, властолюбивый и жадный. Ему хотѣлось власти и богатства. Онъ принялъ христіанскую вѣру предъ

битвой съ своими врагами, чтобы христіане перешли на его сторону. И христіане перешли на его сторону, и онъ побѣдилъ всѣхъ тогдашнихъ царей оружіемъ христіанъ и сдѣлался царемъ надъ всѣми народами.

Это случилось въ 330 году послѣ Рождества Христова, значить полторы тысячи лѣтъ тому назадъ.

Велика была радость христіанъ. Назвали они Константина Святымъ и Равноапостольнымъ, то есть равнымъ самимъ апостоламъ, и доселѣ они каждый годъ празднуютъ этотъ день 21 мая. Да только напрасно ликовали они. Въ этотъ день не они побѣдили язычниковъ, а язычники побѣдили ихъ, ибо отлетѣла съ того дня Правда отъ христіанъ и Кривда стала на мѣсто ея.

Христіане думали, что когда цари покинули язычество и перешли къ нимъ, то зацвѣтетъ ихъ вѣра какъ поле, когда проведешь на него воду изъ сосѣдняго ручья, который прежде изливался въ вонючее болото.

Но они жестоко обманулись. Не оживила, а погубила вѣру христову власть царская, ибо не можетъ ложь оживить правды. Ложь можетъ только погубить правду. Тоже случилось и теперь. Христіане когда они

соединились съ языческими царями были тоже что человекъ, который послѣ смерти чумного больного взялъ-бы себѣ его платье, прельстившись его красотой. Горе, горе тебѣ, человекъ легкомысленный! Вѣдь вмѣстѣ съ платьемъ возьмешь ты и чуму, отъ которой умеръ больной, потому что она осталась и въ платьи его!

Изъ языческой лжи, изъ неравенства между людьми, изъ насилія выросла власть царей. Ложью этой была она пропитана, и ложь эту она привила и къ христіанамъ. Христось училъ, что всѣ люди должны быть равны, какъ братья. А развѣ могутъ быть люди равны тамъ, гдѣ цари, ихъ вельможи и чиновники правятъ народомъ, какъ стадами скотины? Христось училъ, что всѣ люди должны любить другъ друга какъ братья. А развѣ можетъ быть любовь тамъ, гдѣ цари, ихъ вельможи и чиновники грабятъ народъ и силой нудятъ его дѣлать то, что ему не хочется?

Вотъ почему со временъ Константина все начало измѣняться. Пропало равенство между всѣми христіанами, какое прежде было, пропала братская любовь. Отлетѣла Правда, которую привелъ съ собой Исусъ, началось снова царство Кривды?

Но какъ же могли держаться у христіанъ цари, когда они были противъ ученія Христова?

Да они были противъ ученія Христова и они знали это. И вотъ они соединились съ попами, чтобъ вмѣстѣ съ ними обмануть народъ, какъ вмѣстѣ они обманывали его вмѣстѣ съ языческими попами.

Когда цари стали христіанами, то они стали осыпать богатствами христіанскихъ священниковъ и архіереевъ, которые были покорны имъ, какъ прежде осыпали служителей языческихъ боговъ. И эти богатства погубили вѣру Христову. Прежде христіанину идти въ священники, въ учителя народа это было тоже, что солдату идти первому въ огонь, потому что язычники, которые гнали всѣхъ христіанъ, злобились пуще всего, разумѣется, на священниковъ. Когда христіанъ стало ужъ такъ много, что язычники не могли ихъ преслѣдовать, то все таки въ священники идти не было никакой выгоды, потому что священники, по примѣру апостоловъ, жили работою своихъ рукъ. Вотъ почему тогдашніе священники были истинными свѣтильниками правды, истинными отцами народа.

Теперь-же въ попы стали идти люди

корыстные, которые думали не о вѣрѣ Христовой, не о служеніи братьямъ своимъ, а о богатствахъ и о почестяхъ, о дорогихъ одеждахъ и о вкусныхъ яствахъ.

Изъ служителей Христовыхъ они стали рабами царей.

Цари этимъ и воспользовались. Они видѣли, что ученіе Христово противъ нихъ. И вотъ они заставили поповъ дѣлать въ писанинѣ разныя приписки и выброски, чтобъ выходило будто самъ Іисусъ повелѣлъ народу повиноваться царямъ и всѣмъ своимъ грабителямъ!

Но и цари, и попы понимали, что этого мало. Они не могли совсѣмъ передѣлать Евангелія. Въ немъ все таки остались слѣды истиннаго ученія Христова о томъ, что между христіанами всѣ равны какъ братья, и всѣ должны жить какъ братья, ни одинъ не долженъ командовать другими, ни одинъ не долженъ грабить другого, что какъ у братьевъ все должно быть у нихъ общее. И они понимали, что если народъ самъ будетъ читать Евангеліе, то онъ пойметъ, гдѣ правда.

Тогда попы опутали умъ народа новою страшною ложью. Они сказали ему: мы одни можемъ истинно понимать священное пи-

саніе,—вы-же понять его не можете. Такъ слушайте же какъ мы будемъ толковать вамъ писаніе и вѣрите всему, что мы скажемъ вамъ. Если же кто изъ васъ вздумаетъ своимъ умомъ толковать писаніе и скажетъ, что мы въ чемъ нибудь толкуемъ его не право, то онъ не христіанинъ, а сынъ дьявола и проклятъ онъ во вѣки вѣковъ!

И народъ повѣрилъ имъ! Онъ забылъ, что не къ ученымъ и книжникамъ обращалъ самъ Іисусъ ученіе свое, а къ простому народу. Забылъ, что всѣ апостолы Христовы были не изъ ученыхъ и книжниковъ, а изъ простого народа. Онъ повѣрилъ попамъ, что они одни могутъ понимать писаніе и сталъ онъ слушать того, что они говорили ему.

И стало съ тѣхъ поръ Евангеліе не Вѣстью Благою, а Вѣстью Злою. Оно стало не вѣстью освобожденія отъ неволи, а вѣстью рабства, вѣстью муки для всѣхъ слабыхъ, вѣстью слезъ и крови! Ибо не тому учили поны, что проповѣдовалъ Іисусъ, а тому что было выгодно имъ и ихъ новымъ друзьямъ царямъ и всѣмъ грабителямъ народа.

Г Л А В А 2

Такимъ сдѣлали попы ученіе Христово, когда русскіе приняли его отъ грековъ, а французы, нѣмцы, англичане и другіе народы отъ римлянъ. Понятно, что не могло оно дать тамъ добрыхъ плодовъ. Все что съ новой вѣрой принесли съ собой греческіе и римскіе попы—это новые кандалы для народа.

Когда русскіе и другіе народы принимали христіанскую вѣру, то у нихъ уже были князья—правители. Но эти князья совсѣмъ не походили на царей, которые заступили ихъ мѣсто потомъ. Власть ихъ была самая малая. Они были не властителями народа, а его слугами. Народъ выбиралъ себѣ князя, чтобъ онъ на войнѣ начальствовалъ, когда народъ рѣшитъ воевать съ кѣмънибудь, чтобъ въ мирное время судъ и праву чинилъ. За это народъ платилъ князю каждый годъ жалованье, какое было условлено, когда призывали его, какъ хозяинъ плотить своему прикащику. Если же князь приходился не по душѣ народу, то онъ прогонялъ его. И не то что бунтомъ,—

нѣтъ: онъ собирался на сходку, звалъ князя и говорилъ ему: „уходи себѣ съ Богомъ, ты намъ не надобенъ.“ Онъ, значитъ, просто смѣнялъ его, какъ теперь волостного старшину.

Вотъ какъ было въ старину у всѣхъ народовъ: у русскихъ, французовъ, нѣмцевъ и другихъ. Когда же они приняли христіанскую вѣру все начало измѣняться.

Въ 988 году русскій князь Владиміръ принялъ христіанскую вѣру отъ грековъ и заставилъ креститься весь русскій народъ.

Не по сердцу пришлись греческимъ попамъ тѣ вольные порядки, которые они нашли у насъ. Не по сердцу имъ было, что сѣрое мужичье командуетъ княземъ, потому что они привыкли видѣть, какъ всѣ ползаютъ у ногъ царскихъ, сами привыкли лизать у нихъ руки, чтобъ выпросить подачку. Еще больше не по сердцу имъ было, что вмѣсто сладкаго житья, къ какому они привыкли, имъ приходилось терпѣть всякую нужду или самимъ работать, потому что князья были бѣдны и ничего не могли дать имъ за ихъ вѣрную службу.

И вотъ они начали подбивать нашихъ князей. Они рассказывали имъ про великое богатство и могущество греческихъ царей,

говорили имъ, что тамъ сотни вельможъ и царедворцевъ постоянно окружаютъ ихъ и смотрятъ имъ въ глаза, чтобъ исполнить всякое желаніе ихъ. Говорили, что весь народъ во всемъ покоряется имъ, отдаетъ имъ всякое свое добро по одному слову ихъ, что по одному знаку онъ идетъ сражаться и умирать за нихъ.

И зависть брала нашихъ князей, которые видѣли, что они должны во всемъ покоряться народу и ничего противъ него сдѣлать не могутъ и хотѣлось имъ тоже такой власти.

А попы шептали имъ: „вы такіе же цари, какъ и царь греческій, и вы не должны покоряться народу, который васъ выбралъ, потому де самъ Исусъ Христосъ повелѣлъ царямъ быть владыками народа. Только насъ вы должны слушаться, потому что нашими устами говорить самъ Богъ.“

И любви были князьямъ эти рѣчи, и вотъ они стали пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ гдѣ силой, гдѣ обманомъ поработить себѣ народъ. А попы всегда помогали имъ, потому что они увѣряли народъ, что самъ Исусъ Христосъ повелѣлъ такъ и что нѣтъ большаго грѣха, какъ идти противъ князей. И народъ вѣрилъ имъ, и давалъ

князьямъ забирать все больше и больше власти надъ собою и гнуть себя къ землѣ.

Нѣсколько сотъ лѣтъ князья вмѣстѣ съ попами отнимали понемногу у народа всѣ его старыя вольности, пока наконецъ, не отняли ихъ всѣ.

Вотъ какую службу сослужили народу попы. Вотъ откуда пошла у насъ царская власть. Не Богъ далъ царямъ ихъ власть. Они сами всякими подлостями украли ее у народа.

Велнка стала власть царская; но и поповская была не меньше. Теперь нельзя даже понять, что такое встарину былъ попп. Самые гордые цари цѣловали ноги у поповъ. Самые грозные, какъ малые ребята, во всемъ слушались ихъ. А о простомъ народѣ, помѣщикахъ и вельможахъ и говорить нечего. Они слушали поповъ, какъ будто ихъ устами говорилъ самъ Богъ. Они и ѣли, и одѣвались, и работали, и спали какъ и когда имъ указывали попы.

Вотъ какова была власть поповъ. И попы пользовались этой властью, чтобъ всякими способами грабить народъ. Они захватили себѣ огромныя земли и толпы народа ходили работать на нихъ даромъ, потому что попы увѣряли его, что это онъ на Бога ра-

ботаешь. Но и этого имъ было мало: они еще обирали народъ всякими податями и сборами въ свою казну.

Вотъ какъ было у насъ лѣтъ 300 тому назадъ при московскихъ царяхъ.

Но все таки у насъ попамъ никогда не удавалось добиться такой страшной власти, какъ въ чужихъ земляхъ: у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и другихъ. Тамъ всѣ —и народъ, и вельможи, и цари лежали у ногъ поповскихъ. Тамъ стоило попамъ сказать одно слово и самые цари лишались царства и должны были бѣжать изъ своей земли, потому что съ этого часа весь народъ считалъ великимъ грѣхомъ покоряться имъ.

И самые могучіе цари, босикомъ и въ рубищѣ по три дня мерзли у воротъ поповскихъ дворцовъ, умоляючи ихъ простить имъ ихъ вину и воротить на царство.

Вотъ какова была власть поповская. Цѣлыхъ тысячу лѣтъ держали попы всѣ народы въ такой страшной кабалѣ. И казалось, что снова спустилась на землю та страшная ночь, которую какъ молнію освѣтило на минуту ученіе Иисусово. Все гнулось передъ страшной властью поповъ. Ужасныя пытки и сожженіе живымъ на кострѣ ожидали всякаго, кто осмѣливался поднять голосъ противъ нихъ!

Велика же сила правды, когда и тутъ не могли задуть ея!

Мало по малу умъ народа началъ просвѣщаться и народъ понялъ наконецъ, что попы лгали ему.

Тогда то началось среди всѣхъ народовъ, особливо среди нѣмцевъ, шведовъ, англичанъ и французовъ великое возстаніе противъ власти поповской. Въ иныхъ земляхъ половина всего народа, въ другихъ весь народъ поголовно поднялся противъ поповъ и отказался повиноваться имъ и работать на нихъ, потому что понялъ, что они лгутъ ему. Народъ не могъ понять, что попы обманули его и подѣлывали своихъ приписокъ въ Священномъ Писаніи. Не могъ онъ понять этого, потому только недавно ученые люди открыли это. Но онъ понялъ, что и то писаніе, какое они даютъ ему, они толкуютъ лживо для своей выгоды. И вотъ народъ объявилъ, что отнынѣ каждый долженъ самъ читать и толковать писаніе по своему разумѣнію, а не какъ укажутъ ему лживые попы.

Крѣпко перепугались тогда попы, потому что знали, что на обманѣ держится ихъ власть. И подняли попы страшныя войны противъ тѣхъ, кто возсталъ на нихъ.

Сто лѣтъ тянулись эти войны. Рѣки кро-

ви человѣческой пролили попы, чтобъ не отдать богатствъ и власти, которыя они приобрѣли своею ложью.

Но не смогли попы одолѣть враговъ своихъ, ибо не можетъ кривда побѣдить правды! Народъ побѣдилъ ихъ, отнялъ у нихъ тѣ земли и богатства, что они награбили и освободился отъ ихъ власти.

Это было 250 лѣтъ тому назадъ.

Вотъ тогда то въ первый разъ надорвалъ народъ самую страшную изъ цѣпей, которыми сковали его, надорвалъ онъ цѣпь поповскую. Не разорвалъ онъ ее совсѣмъ. Не освободился онъ еще отъ власти поповской совсѣмъ. Но съ этой поры власть ихъ стала малою передъ тѣмъ что было въ старину. Народъ уже пересталъ вѣрить каждому ихъ слову, какъ вѣрилъ прежде. А вѣдь вѣра въ ложь поповскую это тотъ узелъ, которымъ связаны всѣ цѣпи народныя. Вѣдь только она заставляеть народъ терпѣливо нести свои муки. Перестань народъ вѣрить поповской лжи — и въ тотъ же годъ не осталось бы ни царей, ни помѣщиковъ, ни всего тепершняго порядка.

Вотъ почему я такъ подробно говорилъ объ власти поповской.

Самая важная и самая трудная побѣда правды — это была побѣда надъ ложью поповской.

Я рассказалъ тебѣ, какъ было у другихъ народовъ. У насъ было то же самое, только слабѣе потому что у насъ никогда власть поповъ не была такъ велика какъ у другихъ народовъ. И у насъ лѣтъ двѣсти тому назадъ началась во всемъ народѣ великое возстаніе противъ поповъ—это расколы . Не за старыя книги, не за восьмиконечный крестъ, не за двуперстное сложеніе поднимались наши раскольники. Наши раскольники, какъ и раскольники въ чужихъ земляхъ, говорили, что въ писаніи совсѣмъ не то, что говорятъ попы, что попы толкуютъ писаніе лживо, для своей выгоды и что каждый долженъ толковать писаніе по своему разумѣнію. И они стали толковать его по своему разумѣнію и отвергли власть помѣщиковъ, отвергли власть царскую, отвергли весь царскій порядокъ, который принесли съ собой попы и хотѣли вернуться къ старымъ вольнымъ обычаямъ.

Вотъ за что поднимались наши раскольники: старыя книги и двуперстное сложеніе и восьмиконечный крестъ — это было для нихъ тоже что знамя для солдатъ. Не за него

бьются солдаты: знамя поднимается, чтобъ собрать всѣхъ вокругъ него.

Раскольникамъ не удалось побѣдить. Цари соединились съ попами и дружно напали на нихъ, потому что увидѣли, что это ихъ общіе враги. Но раскольники сдѣлали другое: они разрушили во всемъ народѣ русскомъ прежнюю вѣру въ поповъ.

Теперешняя власть поповъ передъ прежною тоже что бревно, которое на половину сгнило передъ здоровымъ и крѣпкимъ дубомъ, который всѣми корнями держится въ землѣ и котораго, кажись, никакая буря не можетъ выдернуть.

Г Л А В А 3

Что-жъ добылъ себѣ народъ, тѣмъ что разорвалъ цѣпь поповскую? Облегчилъ онъ свои тяжелыя муки? Нѣтъ, онъ не облегчилъ ихъ, потому что остались еще живы его другіе враги.

Когда ты вырубилъ старый лѣсъ, а оставишь подлѣсье, то оно начинаетъ быстро расти и скоро станетъ такимъ же какъ былъ старый лѣсъ, потому что теперь оно одно сосетъ сокъ изъ земли и много ему простору разрастаться и вширь и вверхъ. Тоже слу-

чилось, когда народы освободились отъ власти поповъ. Прежде попы имѣли верхъ надъ всѣмъ, они же грабили больше всѣхъ. Царь и помѣщики правили народомъ и грабили его подъ рукой поповъ, какъ подлѣсье растеть подъ вѣтвями стараго лѣса.

Теперь цѣль поповская разорвалась. Страшная власть ихъ надъ народомъ погибла на всегда, а вмѣстѣ съ ней погибло ихъ прежнее грабительство. И вотъ какъ растеть подлѣсье, послѣ вырубки стараго лѣса, такъ начинаетъ рости власть царская, а стало быть и дворянская и помѣщичья. Царь не можетъ самъ грабить народъ, не можетъ онъ самъ держать его въ покорствѣ. Онъ дѣлаеть это черезъ своихъ слугъ и за это онъ даетъ имъ часть награбленнаго у народа. Изъ нихъ-то и выходятъ чиновники и помѣщики.

Когда погибла власть поповская, ихъ мѣсто заступили царь и помѣщики. Что опросталось отъ поповъ, тѣмъ завладѣли царь и помѣщики, что стало оставаться у народа отъ поповъ, то забирали—царь и помѣщики.

Теперь больиѣе всѣхъ цѣпей стала рѣзать тѣло народа — цѣпь помѣщичья, и вотъ народъ схватился обѣими руками за эту цѣпь, чтобъ разорвать ее. И онъ разор-

валъ ее гораздо скорѣе, чѣмъ разорвалъ цѣпь поповскую, потому что помѣщичья предъ поповской тоже, что нитка передъ толстымъ канатомъ.

Власть поповская держится вѣрой въ Бога. А чѣмъ держится власть помѣщичья и царская? Она держится остатками вѣры въ ложь поповскую. Народъ еще продолжаетъ вѣрить понамъ, что власть свою царь получилъ отъ Бога и что великій грѣхъ ослушаться его.

Вотъ чѣмъ держится царская власть. Не можетъ, значитъ, она держаться крѣпко, потому самая вѣра въ поповъ надломлена и слабѣетъ съ каждымъ годомъ.

Развѣ можетъ долго устоять изба, построенная на сваяхъ, которыя уже подгнили и съ каждымъ днемъ подгниваютъ все больше и больше? А не такова ли царская власть?

Развѣ можетъ осколокъ камня быть такимъ же тяжелымъ какъ и весь камень? Развѣ можетъ рукавъ рѣки быть такимъ же широкимъ какъ сама рѣка? Развѣ можетъ зеркало, что противъ солнца поставлено свѣтить такъ ярко, какъ само солнце? А не такова ли царская власть?

Вотъ почему царская власть никогда не

могла быть такъ крѣпка какъ власть поповская. А стало быть не можетъ быть крѣпокъ и помѣщицкій порядокъ, который держится царской властью.

Попы говорили народу: дѣлай то и то, потому на то воля Божія. Если ты послушаешься, то тебя ждетъ царство небесное, а если нѣтъ то вѣчныя муки на томъ свѣтѣ. И самые смѣлые трепетали передъ ними, самые умные преклоняли голову, потому что вѣрили, что ихъ устами говорить самъ Богъ.

Теперь помѣщикъ говорить: дѣлай то и то — работай на меня даромъ, служи мнѣ, какъ я прикажу тебѣ, исполняй всѣ мои прихоти, потому царь далъ мнѣ власть надъ тобой. Если ты слушаешь меня, то я оставлю тебя спокойно нести твои кандалы. Если же нѣтъ, то тебя ждутъ тяжкіе побои и истязанія.

Вотъ какая разница между царствомъ поповскимъ и царствомъ помѣщицкимъ. вмѣсто Бога сталъ царь, вмѣсто воли Божіей стала воля царская, вмѣсто страха адскихъ мукъ сталъ страхъ побоевъ.

Понятно, что народу гораздо легче было понять ложь царскаго порядка, чѣмъ ложь поповскаго порядка.

Такъ оно вышло и на дѣлѣ.

Тысячу лѣтъ попы держали въ кабалѣ всѣ народы. Тысячу лѣтъ нужно было имъ, чтобъ распознать ложь поповской власти. А для того чтобъ распознать ложь царскаго и помѣщицкаго порядка народу нужно было меньше двухсотъ лѣтъ.

Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ поднялись народы, чтобъ освободиться отъ власти поповъ. А не прошло и двухсотъ лѣтъ послѣ того какъ самый умный изъ чужеземныхъ народовъ, французы, поднялись снова, но уже теперь противъ власти царской, противъ власти помѣщичьей, противъ всякой крѣпости.

И французы побѣдили царя, дворянъ, чиновниковъ, поповъ и всѣхъ своихъ супостатовъ. Царя своего и много дворянъ и поповъ они казнили за ихъ преступленія, другихъ они прогнали со своей земли и стали они управляться сами собой, безъ царя.

Это возстаніе началось въ 1789 году, то есть всего 86 лѣтъ тому назадъ.

Великимъ дѣламъ положило начало это возстаніе!

Когда французскій народъ освободился отъ царя, помѣщиковъ, чиновниковъ и всѣхъ

своихъ кровопійць и сталь править самъ собою, то всѣ другіе цари поняли, что какъ пожаръ переходитъ отъ одного дома къ другому и сожжетъ ихъ до единого, коли не потушить его, такъ и бунтъ перейдетъ отъ французскаго народа ко всѣмъ другимъ народамъ и тогда не удержать имъ ни царства, ни головы.

И вотъ стоворились всѣ цари подняться на французскій народъ чтобъ заставить его опять посадить надъ собой царя и вернуть помѣщиковъ, которыхъ онъ прогналъ. И накинулись они на него со всѣхъ сторонъ, какъ стая собакъ накидывается на волка. И уже заранѣе дѣлили они между собою добычу, потому что думали, что раздавятъ они французскій народъ какъ червяка. Да только поторопились они праздновать побѣду! Не смогли они всѣ одолѣть французскаго народа. Французы побѣдили ихъ всѣхъ и со стыдомъ погнали ихъ въ свои земли.

Съ этого дня погибла власть царская и помѣщичья, погибъ весь старій порядокъ.

Встарину, когда судьи не могли рѣшить кто правъ: отвѣтчикъ или доказчикъ, то они заставляли ихъ биться. Кто побѣждалъ, того и признавали правымъ. Это называлось Судъ Божій. Борьба царей съ французскимъ на-

родомъ — это былъ такой судъ между старымъ порядкомъ и новымъ, между рабствомъ и волей. Французскій народъ побѣдилъ — старый порядокъ съ царями, помѣщиками и со всей своей неправдой долженъ былъ умереть!

Двѣсти лѣтъ прошло между великимъ расколомъ и возстаніемъ французскаго народа. И всѣ эти двѣсти лѣтъ народы покорно несли ярмо царской и помѣщичьей власти. А съ ' того дня не проходило и десяти лѣтъ, чтобъ то у того, то у другого народа не было возстанія противъ царей, помѣщиковъ и всего стараго порядка, потому что не можетъ одинъ народъ терпѣть своей неволи, когда рядомъ съ нимъ другой освободился отъ нея, какъ не можетъ порохъ лежать около горящаго костра и не вспыхнуть отъ искръ, которыя во всѣ стороны летятъ отъ него.

Трудна была борьба народа со всѣми врагами его, потому что велики были ихъ силы, а у него ничего не было. У нихъ было войско, у нихъ были ружья, пушки, крѣпости, у народа не было ничего кромѣ голыхъ рукъ. Враги народа всегда дѣйствовали дружно, какъ одинъ человекъ, потому какъ у человека одинъ умъ, который

править всѣмъ, такъ и у враговъ его была одна воля. А народъ всегда сражался врознь, безъ согласія, безъ сговору.

И все таки народъ побѣдилъ враговъ своихъ! Потому побѣдилъ онъ, что шелъ на бой съ вѣрой, что борется за правду, за вѣчную волю, за вѣчное счастье свое и дѣтей своихъ. Онъ шелъ на бой какъ христіане шли на проповѣдь. Не пугался онъ ни ружей, ни пушекъ, ни крѣпостей, ни крѣпкаго союза враговъ своихъ, потому самая смерть не страшна была ему. Если меня убьютъ, думалъ каждый, за то дѣти мои будутъ свободны! Не будутъ они умирать въ нищетѣ, не будутъ они всю жизнь людьми темными безпросвѣтными! И онъ шелъ въ огонь и не трепетало сердце его, не дрожала рука и шелъ онъ на вѣрную смерть, когда было пужно и онъ умиралъ спокойно, потому что зналъ, что новыя толпы кинутся въ бой по его слѣдамъ и что не погибнетъ дѣло, за которое сложилъ онъ свою голову. Никакая сила въ мірѣ не можетъ одолѣть такого воинства! Вотъ почему одолѣлъ народъ.

Но онъ жестоко обманулся. Онъ побѣдилъ царей, дворянъ, чиновниковъ, поповъ и монаховъ, онъ разметалъ и палаты, и

дворцы и крѣпости и острога. И ликоваль онъ на развалинахъ ихъ и обнимали люди другъ друга и плакали они радостными слезами, потому что думали что кровью своею они купили себѣ волю, и что отнынѣ не будетъ уже на землѣ ни нищеты ни рабства. Но въ то самое время, когда народъ праздноваль свою побѣду, кучка предателей уже подкрадывалась къ нему, чтобъ накинуть на него новыя кандалы. Еще вчера они притворялись его лучшими друзьями, и натравляли его на помѣщиковъ и клялись ему, что онъ избавится отъ всѣхъ своихъ мукъ, когда побѣдитъ ихъ. А теперь они предательски обманули его, соединились съ врагами его и замыслили снова закабалить его.

Эти предатели — кушцы.

Г Л А В А 4.

Пока царь и дворяне оставались во всей силѣ, кушцамъ не было ходу. Весь народъ былъ крѣпостнымъ у дворянъ и работаль на нихъ, и потому они были очень богаты. Они же захватили въ свои руки всю власть, потому что они одни были

судьями, чиновниками, губернаторами. И они пользовались этой властью, чтобъ надавать себѣ всякихъ льготъ и тѣснить и грабить всѣхъ другихъ. Они помыкали народомъ, но и купцамъ дѣлали не мало обидъ. Они грабили народъ но и купцамъ не давали спуска. Вотъ почему купцы были тогда самыми злыми врагами помѣщиковъ. Когда же народъ отнялъ у дворянъ всѣ ихъ льготы, тогда купцы сравнялись съ дворянами. Они получили отъ народа все что могли получить, и больше ничего имъ не нужно было отъ него. И вотъ они отреклись отъ народа и соединились съ дворянами, чтобъ вмѣстѣ съ ними забрать его въ новую кабалу. И имъ удалось снова закабалить его, потому что народъ оставилъ въ рукахъ ихъ страшное оружіе противъ себя. Это оружіе — богатство.

Народъ сдѣлалъ только половину дѣла: онъ отнялъ у своихъ враговъ право владѣть собой какъ рабочей скотиной, онъ освободился отъ крѣпости. Но онъ не отнялъ у нихъ право владѣть добромъ, которое они украли у него. Онъ не отнялъ у нихъ ни земли ни капиталовъ. Вотъ это и погубило его. Онъ остался безъ куска хлѣба и пришлось ему либо умирать съ голоду посреди улицы,

либо идти въ батраки къ купцу или старому помѣщику. Не захотѣлось народу отпраздновать свою волю голодной смертью и пошелъ онъ, понуривъ голову, въ батраки къ своимъ злодѣямъ. И продалъ онъ имъ свою волю за сухую корку хлѣба!

Онъ остался такимъ же рабомъ какъ и былъ прежде, потому что голодомъ богатые заставляли его дѣлать что хотѣли.

Онъ остался такимъ же нищимъ, какъ и былъ прежде потому что голодъ заставлялъ его брать за свою работу сколько положать богатые.

А коварные предатели говорили ему: радуйся и будь смиренъ! Теперь ты все завоевалъ себѣ что хотѣлъ. Ты освободился отъ помѣщиковъ и сталъ теперь самъ себѣ баринъ. Ты можешь дѣлать что тебѣ угодно, можешь работать или отдыхать, какъ тебѣ вздумается — никто ни къ чему тебя неволить не будетъ. Ты теперь во всемъ равный намъ: ты можешь завести торговлю или устроить фабрику и стать первымъ богачемъ. Ты можешь поступить на какую хочешь службу и сдѣлаться первымъ вельможею, ты можешь отдать своихъ дѣтей въ какую хочешь школу и сдѣлать ихъ первыми учеными.

О лжецы и лицемѣры! Развѣ можетъ человѣкъ отдыхать, когда работаючи съ ранняго утра до поздней ночи онъ и то чуть не умираетъ съ голоду, потому что все что онъ сработаетъ вы отнимаете у него! Развѣ можетъ человѣкъ завести торговлю или построить фабрику, когда по вашей милости у него нѣтъ гроша за душой? Развѣ можетъ онъ поступить на какую нибудь службу, когда для этого нужно быть обученнымъ всякимъ наукамъ, а ему не только обучиться, а и отдохнуть вы не даете! Развѣ можетъ онъ посылать дѣтей своихъ въ ваши школы, когда тамъ платить нужно больше чѣмъ вся семья въ годъ проживаетъ!

Ложь, ложь и ложь отъ перваго до послѣдняго слова — все чѣмъ кушцы и всѣ кому теперь жить хорошо слиятся обморочить народъ, чтобъ онъ покорно несъ ярмо свое! Какъ прежде дворяне отнимали у него то что онъ сработаетъ, такъ теперь отнимаютъ богатые. Какъ прежде дворяне держали въ своихъ рукахъ всю власть и помыкали народомъ, такъ теперь помыкаютъ богатые. Какъ прежде дворяне владѣли всей наукой, а народъ держали во мракѣ, такъ теперь держать богатые!

Значить народъ не выигралъ ничего.

Изъ кабалы дворянской онъ попалъ въ кабалу купеческую. И какъ прежде народу было одно спасеніе — бунтъ противъ помѣщиковъ, поповъ и царей, такъ теперь ему одно спасеніе, бунтъ противъ богатыхъ.

И народъ поднимается и побѣдитъ своихъ послѣднихъ враговъ и побѣдитъ скорѣе, чѣмъ побѣждалъ прежнихъ.

Три врага у народа: попы, цари съ помѣщиками и богатые. Самые страшные враги были попы. Крѣпко держится власть поповская, потому что корень ея глубоко въ сердцѣ человѣческомъ. Это вѣра въ Бога. Попы воспользовались этой вѣрой, чтобъ обмануть народъ страшной ложью и сдѣлать его рабомъ своимъ. И крѣпка была власть ихъ, которую они построили на своей лжи!

Власть поповская — это столбъ врытый въ землю по самую верхушку. Къ верхушкѣ то этого столба и прибиты концы той тяжелой цѣпи, которой сковали они народъ. И все таки народъ вырвалъ этотъ столбъ и разорвалъ эту страшную цѣпь, и освободился на всегда отъ своей тяжелой неволи.

Изъ опекуновъ царей попы стали ихъ прихвостнями. Уже не они управляли царями, а цари заставляли ихъ исполнять всѣ

свои прихоти.

Когда погибла власть поповская, ихъ мѣсто заступили цари съ помѣщиками. Власть царская не могла быть такъ крѣпка какъ власть поповская, потому что она 'держится только подонками вѣры въ поповъ. Но все таки и она крѣпка, потому что народъ вѣрилъ попамъ, что царь получилъ власть отъ Бога, а не самъ укралъ ее у народа, какъ было на дѣлѣ.

Власть царская это столбъ, который однимъ концомъ все таки крѣпко сидитъ въ землѣ. И однако народъ повалилъ этотъ столбъ!

Только у насъ еще крѣпокъ царь. А у другихъ народовъ, либо совѣмъ 'нѣтъ царя, либо онъ сталъ теперь не больше какъ прихвостнемъ богатыхъ. У него они отняли всякую власть, онъ ничего не смѣетъ сдѣлать — ни закона написать, ни подать наложить безъ согласія выборныхъ отъ земли. А выборныхъ этихъ выбираютъ одни богатые. Вотъ и выходитъ, что теперь богатые владѣютъ всѣмъ, цари же стали ихъ прихвостнями.

Царей и помѣщиковъ смѣнили купцы, богатые.

Чѣмъ же держится ихъ власть?

Ихъ власть не имѣетъ корня въ сердцѣ человѣческомъ. Она держится только темной народной, тѣмъ что народъ не задумался надъ ней. Но съ того дня какъ онъ подумаетъ — она погибла.

Власть богатыхъ это столбъ, который поставленъ плоскимъ концомъ на ровную землю. Онъ держится только потому, что никто не догадался толкнуть его.

Прежде народъ спрашивалъ себя: Почему должно во всемъ покоряться царю, почему должно отдавать ему свое добро, когда онъ прикажетъ, почему нужно идти умирать за него? Развѣ это по правдѣ?

И онъ отвѣчалъ. Да — по правдѣ! потому что онъ вѣрилъ поповской лжи. Царя могли защищать не только люди корыстные. У него были правдивые защитники, готовые на смерть идти за него, потому что вѣрили, что они защищаютъ правду. И этими то людьми и держалась царская власть.

Ну, а коли теперь народъ спроситъ себя: почему я долженъ работать на купца? Почему онъ ничего не дѣлаетъ, а купается въ золотѣ, а я всю жизнь работаю на него и не могу отбиться отъ нужды, а на старости буду съ голоду помирать? Развѣ это по правдѣ? Развѣ я не такой же человѣкъ

какъ и онъ?

Чтожь, можетъ онъ отвѣтить: Да, все это по правдѣ. Я не изъ такой кости, мнѣ слѣдуетъ быть рабочей скотиной, а ему ѣздить на мнѣ?

Вотъ почему власть богатыхъ не крѣпка. Она не имѣетъ корня въ сердцѣ человѣческомъ. Никто не вѣритъ въ то, что она справедлива. Никто не пойдетъ умирать за нее. У нее не можетъ быть правдивыхъ защитниковъ, готовыхъ на муки и смерть за нее. Стоять за нее могутъ только люди тупые, неспособные ничего понимать или подлые лицемѣры, которые понимаютъ, что правда не на сторонѣ враговъ, но которые продали свою совѣсть. Не страшно такое воинство, ибо отлетѣла отъ него душа, которая даетъ ему храбрость и силу въ бою, отлетѣла вѣра въ свою правоту, отпали отъ него всѣ люди съ сильнымъ умомъ, съ неподкуной совѣстью: и перешли они къ народу, ибо просвѣтлѣло теперь лицо правды какъ солнце и только слѣпой можетъ не видѣть ее!

Вотъ почему, когда люди впервые поняли, что только богатые мѣшаютъ отнынѣ счастью всѣхъ людей и освободившись отъ нихъ народъ освободится отъ всѣхъ своихъ

мукъ. Когда они додумались до этого и открыли это людямъ, то совершилось чудо, какого никогда еще не бывало. Можно было подумать, что Святой Духъ, открывающій истину, сошелъ на землю, потому что казалось, что всѣ люди сразу поняли правду, что она сразу открылась всѣмъ умомъ, какъ трава вырастаетъ сразу на всѣхъ поляхъ, когда весеннее солнце взойдетъ надъ ними.

Казалось, что эти люди ничего не открыли, что всѣ уже, какъ будто, прежде знали все до чего они додумались и ожидали только знака, чтобъ заговорить.

И вотъ какъ на смотру команда главнаго командира въ ту же секунду подхватывается десяткомъ другихъ командировъ и повторяется на разные голоса во всѣхъ концахъ строя; какъ потомъ ихъ команда опять подхватывается, повторяется все громче и громче, все большимъ и большимъ числомъ голосовъ, пока не сольется въ одинъ дикій оглушительный крикъ — также точно подхватывалась, повторялась и гремѣла во всѣхъ концахъ земли, среди всѣхъ народовъ эта послѣдняя правда.

Не прошло и одного поколѣнія, какъ уже у всѣхъ народовъ явился цѣлый тыся-

чи людей, которые понимали, что въ возста-
ніи противъ богатыхъ все спасеніе народа.
Но они были безсильны, они не могли
поднять народъ противъ его послѣднихъ вра-
говъ, потому что не были они соединены,
чтобъ дѣйствовать дружно, какъ одинъ че-
ловѣкъ.

Наконецъ 12 лѣтъ тому назадъ малень-
кая кучка людей рѣшила положить начало
самому великому дѣлу, какое только видѣ-
ла земля.

У нихъ ничего не было, ни денегъ,
ни почета среди народовъ, ни даже уче-
ности. Это были простые работники. Ни-
чего у нихъ не было, была только вѣра
въ правду.

И вотъ они, безвѣстные труженики, рѣ-
шили кликнуть кличъ по всей землѣ, чтобъ
собрать въ одно расбросанное по всей зем-
лѣ воинство Правды, и повести его на
послѣдній бой съ Кривдой. И вдругъ, какъ
солдаты, слышавшіе тревогу, бѣгутъ со
всѣхъ сторонъ, чтобъ занять свое мѣсто
въ строю, такъ со всѣхъ концовъ земли
стали собираться къ нимъ толпы ихъ еди-
номышленниковъ!

Всего 12 лѣтъ, какъ положено начало
этому союзу. Всего десять человѣкъ без-

вѣстныхъ работниковъ было въ немъ тогда. А теперь изъ этого зернышка выросъ громадный союзъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ! Теперь это самая могучая сила на землѣ. При одномъ имени этого союза блѣднѣютъ всѣ богатые, всѣ сильные, всѣ великіе. Теперь цари съѣжаются на совѣты, чтобы обсудить сообща, что имъ дѣлать противъ этого страшнаго союза, который не даетъ имъ покою ни днемъ, ни ночью. Да и не мудрено, что нѣтъ имъ покою отъ него: вѣдь теперь въ этомъ союзѣ нѣсколько милліоновъ человѣкъ! Это громадное войско, да такое какого нѣтъ у всѣхъ царей вмѣстѣ — въ немъ считается нѣсколько милліоновъ человѣкъ!

И растетъ это страшное войско, потому что каждый солдатъ этого войска вербуетъ въ него новыхъ рекрутовъ. Растетъ оно не по днямъ, а по часамъ и никогда не перестанетъ расти и не сегодня — завтра, какъ подобно звуку трубы страшнаго суда пронесется по землѣ кличъ бранный и поднимется это великое воинство и поведетъ оно за собой всѣ народы, и начнется тогда страшный судъ для всего стараго міра и погибнетъ онъ среди грома и молніи, въ дыму и огнѣ, и кровью его защитниковъ залются

его развалины!

И погибнетъ вмѣстѣ съ старымъ міромъ вся ложь, которой онъ наполненъ. Погибнетъ бѣдность, погибнетъ рабство, погибнетъ насиліе. Новый лучший міръ выростетъ на его пепелищѣ, какъ на выжженной дикой трущобѣ выростетъ золотистая рожь!

И не будетъ уже на землѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни господъ, ни рабовъ, ни начальниковъ, ни подвластныхъ. Всѣ будутъ равны, какъ братья, всѣ будутъ любить другъ друга, какъ братья. Ибо теперь то приближается то самое царство правды и любви, вѣчнаго счастья и вѣчной радости, которое Иисусъ Христосъ первый проповѣдывалъ людямъ, и за которое онъ замученъ былъ врагами народа! То самое царство, которое послѣ него тьмы великихъ мучениковъ за правду проповѣдывали людямъ, и за которое погибли они въ тюрьмахъ и острогахъ, въ рудникахъ и на каторгѣ, на кострахъ и на висѣлицахъ!

Г Л А В А 5.

Но почему же я зналъ, что теперь народъ избавится отъ всѣхъ своихъ мукъ? Почему

я знаю, что народъ опять не обманется какъ обманулся, когда проливалъ свою кровь, чтобъ освободиться отъ помѣщиковъ и царей?

Потому не обманется онъ, что теперь онъ освободится отъ корня всѣхъ мукъ своихъ. А прежде онъ не касался корня.

Гдѣ же корень всѣхъ мукъ народныхъ?

Корень всѣхъ мукъ народныхъ — бѣдность! Бѣдность — вотъ та вѣдьма съ растрепанными волосами и дикими глазами что вихремъ посится по всей землѣ и терзаетъ своими костлявыми пальцами родъ человѣческой. Вотъ та кикимора, что сосетъ кровь человѣческую, что насылаетъ на людей всякія болѣзни, что сводитъ ихъ въ раннюю могилу. Вотъ та злодѣйка, что подкрадывается глубокой ночью въ хилыя избенки къ изголовью добра-молодца и наводитъ на него черные думы про большую дорогу да булатный ножъ, да кривавую наживу. Вотъ та сводница, что въ тяжкую работу нашептываетъ на ухо красной дѣвицѣ про веселое житье въ большомъ городѣ, пирующие съ богачемъ кушчемъ да съ барчатами!

Но мало того что бѣдность сама не даетъ дохнуть роду человѣческому — она еще нарожала цѣлое племя черныхъ вороновъ, что клюютъ его очи и терзаютъ его печень.

Вѣдь всѣ враги народа это родныя дѣти этой самой вѣдъмы, бѣдности. Они держатся только ею тѣмъ, что еще не околѣла она, потому что каждый день они кормятъ ее тѣломъ и кровью человѣческой.

Чѣмъ держатся всѣ враги народа, всѣ попы, цари и помѣщики? Они держатся только темнотой народной. А темнота народная это родная дочка бѣдности.

Развѣ могъ бы народъ оставаться въ темнотѣ колибъ всѣ были богаты? Какой отецъ оставилъ бы своихъ дѣтей не учеными? Кто самъ захотѣлъ бы оставаться человѣкомъ темнымъ, когда всѣ другіе были бы учеными?

А колибъ пропала темнота народная, то развѣ могла-бъ держаться власть помѣщичья, власть царская, власть поповская? Нѣтъ она-бъ не могла и одного дня продержаться, потому что ни царь, ни попы, ни помѣщики сами никакой силы не имѣютъ. Они держатся только темнотой народной, держатся тѣмъ, что имъ удается обморочить часть народа и заставить его идти на своихъ братьевъ, противъ своей собственной выгоды.

Развѣ солдаты, которыми держится весь теперешній порядокъ, не изъ народа? Развѣ

попы сами воевали съ народомъ, когда онъ поднялся противъ ихъ власти? Развѣ царь и дворяне сами дрались съ народомъ, когда онъ поднялся, чтобъ истребить ихъ? Много-бъ они сами сдѣлали!

Нѣтъ, дрались то всегда мужики, а они сидѣли больше по своимъ дворцамъ и палатамъ и оттуда кричали народу: поднимайся за святое дѣло!

Темнотою, одной только темнотою народной держатся всѣ враги его. Вотъ почему теперь, когда люди открыли какъ прогнать бѣдность, то они открыли какъ спасти родъ человѣческій отъ всѣхъ его враговъ, отъ всѣхъ его мученій, какъ провести его въ царство вѣчнаго счастья, вѣчной воли и вѣчной радости.

Но что же нужно, чтобъ прогнать бѣдность?

Вотъ что нужно: нужно чтобъ не было ни хозяевъ, ни помѣщиковъ, нужно чтобъ не было никакихъ людей, которые владѣютъ въ одиночку землей либо фабриками. Нужно чтобъ всѣмъ этимъ — и землей, и фабриками, и заводами владѣли сообща большія артели рабочихъ, которыя на нихъ работаютъ.

Вотъ что нужно чтобы избавиться отъ бѣдности.

Все измѣнится, когда вмѣсто теперешнихъ хозяевъ будутъ артели рабочихъ. Измѣнится не только жизнь, не только всѣ порядки, но и самые люди станутъ такъ же не похожи на насъ, какъ мы не похожи на своихъ прадѣдовъ, которые жили въ лѣсахъ и берлогахъ вмѣстѣ съ дикими звѣрями и ѣли человѣческое мясо.

Но здѣсь я не буду говорить обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ. Я покажу только какъ разбогатѣетъ народъ, потому что по этому можно судить о всемъ прочемъ.

Отчего теперь бѣденъ народъ? Отчего онъ мретъ съ голоду да съ холоду? Развѣ оттого, что нечѣмъ ему жить на русской землѣ? Нѣтъ всего хватило бы ему, еслибъ у него не отнимали того, что должно ему принадлежать. Кто работаетъ? Кто добываетъ своимъ трудомъ весь хлѣбъ, всѣ товары? — Народъ. А кто владѣетъ всѣмъ этимъ? — Богатые: помѣщики и хозяева. Вотъ отчего народъ нищій. / Когда не будетъ ни начальства, ни помѣщиковъ, ни хозяевъ, не будетъ и нищеты. /

Главное богатство русскаго народа — земля.

По приказу самаго начальства, для сбора податей, было сосчитано, сколько земли

за мужиками и сколько за помѣщиками. Оказывается, что у мужиковъ только пятая часть земли, а у помѣщиковъ и другихъ владѣльцевъ четыре пятыхъ. Значить, у помѣщиковъ въ четыре раза больше земли, чѣмъ у мужиковъ, не говоря уже о томъ, что мужицкая земля много хуже помѣщичьей.

Когда не будетъ ни помѣщиковъ, ни казны, ни заводовъ, что землей владѣютъ, когда вся земля будетъ мужицкой, то у мужиковъ будетъ въ пять разъ больше земли, чѣмъ теперь — а стало быть и въ пять разъ больше хлѣба. Значить мужики будутъ жить въ пять разъ богаче, чѣмъ теперь живутъ.

Сосчитаю, что теперь мужицкая семья въ пять человѣкъ проживаетъ круглымъ счетомъ по полтиннику или по гривеннику на человѣка въ день. Значить тогда она будетъ проживать пять полтинъ или два съ половиной въ день. А это составитъ тысячу руб. въ годъ! Они будутъ жить такъ какъ жили бы теперь, коли-бъ тысячу рублей въ годъ получали и всѣ ихъ тратили.

Вотъ что получить народъ на другой же день, какъ освободится отъ помѣщиковъ, и это такъ же вѣрно, какъ то, что ты

читаешь эту книгу. Только тогда онъ могъ бы получить меньше, еслибъ помѣщики унесли съ собой часть русской земли.

Но это только начало. Тысяча рублей на семью это еще не богатство, а только достатокъ. Богатство же будетъ не съ того, что мужики будутъ владѣть всѣмъ — и землей, и фабриками, и заводами, а съ того, что работать будутъ большими артелями, а не въ одиночку.

Почему же народъ такъ разбогатѣетъ черезъ это? Да потому, что въ большихъ артеляхъ хозяйство будетъ самое лучшее, какого никогда не завести одиночному работнику — будутъ самыя лучшія машины, самыя лучшіе инструменты и все прочее, что для работы нужно. А вѣдь работа хорошо идетъ больше отъ инструмента, чѣмъ отъ рукъ. Коли теперь кажется, что это не такъ, что дѣло „мастера боится“, такъ это только потому что теперь всѣ одинаковыми инструментами то работаютъ. Вотъ потому то разница въ работѣ только отъ мастерства можетъ быть. О коли-бъ стали разными работать, такъ вотъ бы и увидѣли, что штука то вся въ инструментѣ, что дѣло „инструмента боится“.

Встарину когда еще желѣза не умѣли

добывать, да и теперь въ дикихъ странахъ, инструменты дѣлають изъ камня. Возьметъ человѣкъ плоскій камень, протретъ и проковыряетъ въ немъ другимъ камнемъ дырку, насадить на палку и привяжетъ мочалами. Вотъ тебѣ и топоръ. Ну такъ вотъ напримѣръ чтобъ такимъ топоромъ выдолбить маленькую лодочку, нужно нѣсколько лѣтъ долбить. А теперь хорошій плотникъ выдолбитъ ее дня въ два, а скверный — ну въ четыре дня, потому что топоръ да долото у нихъ желѣзные.

Самый лучший слесарь съ подпилкомъ, брускомъ и зубиломъ сдѣлаетъ не больше ста иглокъ въ день. Скверный съ тѣмъ же инструментомъ сдѣлаетъ штукъ двадцать. А съ машиной баба ихъ дѣлаетъ нѣсколько пудовъ въ день.

Значить не отъ того какъ работаетъ человѣкъ, а отъ того чѣмъ работаетъ зависитъ сколько онъ товару сдѣлаетъ. Это можно сказать не только про всѣ фабричные товары, а и про хлѣбъ. У насъ земля родить круглымъ счетомъ всего самъ четыре. А почему? Потому что у мужиковъ хозяйство самое скверное. Гдѣ имъ хрощее хозяйство заводить, когда дѣти мрутъ съ голоду, когда скотину приходится продавать,

чтобы подати уплатить. Во всѣхъ другихъ земляхъ родится съ десятины въ нѣсколь-ко разъ больше, чѣмъ у насъ. Во Франціи, напримѣръ, въ четыре раза, а въ Англии такъ въ восемь разъ больше. И это еще далеко не самое лучшее хозяйство, какое можно бы завести. При хорошемъ хозяйствѣ земля могла бы рожать въ 20 разъ больше, чѣмъ теперь.

Когда мужики будутъ владѣть всей русской землей большими артелями, то эти артели заведутъ самое лучшее хозяйство, купятъ самыя лучшія машины, потому что они будутъ богаче всякаго помѣщика. Значить каждая десятина можетъ давать міру, по крайней мѣрѣ, въ 4, въ 8 разъ больше, чѣмъ даетъ теперь мужику при одиночномъ хозяйствѣ. Значить каждая семья можетъ имѣть не тысячу рублей въ годъ, какъ я рассчиталъ, а 4 тысячи, 8 тысячъ и больше.

Тебѣ не вѣрится? Знаю, что не вѣрится. И мнѣ не вѣрилось, и я протиралъ глаза, когда въ первый разъ сдѣлалъ свой расчетъ. Мудрено ли, что не вѣрится тебѣ? Ты тоже что человѣкъ, котораго подлый родственникъ съ молоду ограбилъ и сдѣлалъ нищимъ. И вдругъ этому нищему принесли

оумагу, что онъ наслѣдство во сто тысячъ долженъ получить. Ну конечно и не вѣрить онъ и протираетъ глаза, и щупаетъ себя, не спитъ ли онъ. А подѣ конецъ посмотреть на подпись — подпись вѣрная; взглянуть на печать — и печать настоящая; поднесеть бумагу къ свѣту — бумага какъ слѣдуетъ, гербовая — свѣтится. Ну и долженъ наконецъ повѣрить. А коли и тутъ не вѣрится, ну тогда онъ долженъ въ контору откуда бумагу принесли сходить. А ужъ тогда нельзя же повѣрить.

Ну такъ тоже сдѣлай и ты съ моимъ расчетомъ. Посмотри его и найди гдѣ-нибудь фальшь! Нигдѣ не найти тебѣ! Коли хочешь, то и въ контору сходи — посмотри въ тѣ книжки, гдѣ объ этомъ говорится, и увидишь, что все вѣрно.

Да, вѣренъ мой расчетъ. Работаючи большими артелями, народъ могъ бы выработать, если бы хотѣлъ по 4 и по 8 тысячъ рублей на семью.

Да только врядъ ли захотятъ они этого, потому что будутъ у нихъ другія, лучшія радости, которыя заставляютъ ихъ забыть про роскошь.

Вотъ то золотое царство, про которое говорится въ сказкахъ. Да только врутъ

тамъ, что оно за тридевять земель: оно у тебя подъ носомъ. И тебѣ стоитъ только отворить ворота, чтобы въ него войти!

Русскій народъ, ужели ты не захочешь войти въ него? Ужели тебя удержишь та стая злыхъ собакъ, которыя бродягъ у воротъ его и сами не идутъ и тебя не пускаютъ? Подумай о томъ, что ждетъ тебя впереди, подумай о томъ богатствѣ, о томъ счастиі, что ты можешь имѣть и вспомни, что у тебя есть теперь! Вспомни о безъисходной работѣ своей, вспомни о нуждѣ, о голодѣ и холодѣ, который ты терпишь. Вспомни какъ продавалъ ты послѣднюю скотину, когда дѣтямъ ѣсть было нечего, потому что у тебя не было чѣмъ недоимку заплатить. Вспомни какъ въ голодный годъ вымучивали у тебя подати, вспомни какъ послѣдняго сына провожалъ ты въ солдаты, — вспомни все это и знай, что не на роду тебѣ такъ написано, что не такова ужъ твоя судьба, а что все могло бы быть иначе, что ты могъ бы жить богато, вольно и счастливо, что не судьба, а одни богатые виною всѣхъ твоихъ мукъ!

Такъ освободь же отъ нихъ! Въ твоихъ рукахъ твое счастье — возьми-жъ его! Подумай: вѣдь враговъ твоихъ малая горсточка,

тебѣ же нѣтъ числа. Вѣдь вся сила ихъ не въ нихъ самихъ, а въ твоёмъ покорствѣ. Такъ брось же это воловье покорство. Пора! Вѣдь не откуда ждать тебѣ спасенія. Не поможетъ тебѣ царь. Ты это самъ теперь видишь. Такъ спаси же себя самъ — поднимись на враговъ своихъ, или вѣчный стыдъ пусть покроетъ имя твое!

Червякъ, что пресмыкается по землѣ, и тотъ поднимаетъ голову, когда ты наступишь на него. А ты позволишь топтать себя! Ты, какъ трусливый рабъ, не посмѣешь поднять руки на защиту свою!

Слабая птичка кинется клевать тебя, когда ты захочешь отнять у нея птенчиковъ. А ты будешь смотрѣть спокойно, какъ отнимаютъ у тебя дѣтей, какъ мучаютъ ихъ передъ твоими глазами? Ты будешь слышать ихъ стоны и моленія, и не загорится твое сердце? И не засверкаютъ глаза? И не схватится сама рука за топоръ?

Нѣтъ! Ты поднимешься! Ты пойдешь на злодѣевъ! Ты освободишь отъ нихъ себя и дѣтей своихъ!

Не на грабежъ, не на разбой зовемъ мы тебя. Зовемъ мы тебя положить конецъ грабежу, разбою и всякой неправдѣ! Не печаль и раззореніе призываемъ мы на

землю, а радость, богатство, вѣчную волю для тебя, дѣтей твоихъ, для всего рода человѣческаго.

Дѣти твои и внуки твои, и правнуки будутъ благославлять тебя во вѣки вѣковъ за то, что ты вывелъ ихъ изъ земли рабства! Дѣти теперешнихъ враговъ твоихъ и тѣ благословятъ тебя. И за ихъ счастье ты поднимешься, потому что отцы ихъ, оставивши имъ въ наслѣдство всѣ богатства свои, не дали бы имъ и сотой доли того счастья, которое будутъ имѣть и они вмѣстѣ со всѣмъ народомъ. Ибо какъ море-океанъ не измѣрить ни въ глубину, ни въ ширину такъ и будущаго счастья рода человѣческаго. Всякій получить его столько, сколько только можетъ вмѣстить его душа. Всѣмъ хватить его, какъ рыбѣ хватается простору въ морѣ-океанѣ!

Иди же въ ряды великаго воинства, которое встаетъ уже со всѣхъ концовъ земли, чтобъ поднять народъ противъ его послѣднихъ враговъ.

Высоко и свято дѣло возстанія народа, на которое мы зовемъ тебя — иѣтъ на землѣ ничего выше и святѣе его! Топоръ и ножъ суюмъ мы тебѣ въ руки, но не разбойное это орудіе, а святое, какъ самъ

святая правда.

Но что же долженъ дѣлать я-то самъ, спросишь меня ты, читающій или слушающій эту книгу. Не могу жъ я то одинъ схватиться за топоръ и идти бить купцовъ, помѣщиковъ да начальство.

Нѣтъ ты не можешь схватиться за топоръ — такъ сдѣлай же ты изъ языка своего топоръ! Какъ дровосѣкъ рубить дерево, такъ руби своимъ топоромъ всякую ложь въ умахъ твоихъ братьевъ. Руби ее повсюду, гдѣ ни встрѣтишь ее, руби ее и утромъ, и вечеромъ, и днемъ, и ночью, и въ пути, и на ночлегѣ, и за работой, и за отдыхомъ, и въ праздникъ, и въ будни. Руби не отдыхаячи, руби пока не занѣмѣетъ рука, пока не потемнѣетъ въ глазахъ! И тогда повалится передъ тобой всякая ложь, какъ бы крѣпка она ни была, какъ валится столѣтній дубъ подъ топоромъ дровосѣка.

Но знай, что не легко будетъ твое дѣло. Велика сила враговъ и страшна месть ихъ. Такъ будь же на все готовъ заранѣе.

И тогда пойдешь ты на бой съ неправдой, какъ воинъ, покрытый крѣпкими доспѣхами и вооруженный острымъ мечемъ.

Какъ богатырь побиваетъ всякую гадину, будешь побивать ты всякую ложь и будешь разносить ты повсюду правду, какъ зажженная свѣча разноситъ свѣтъ. И не одно сердце загорится отъ словъ твоихъ, и не одинъ бсець поднимется по слѣдамъ твоимъ. И знай, все быстрѣй и быстрѣй будетъ расти ихъ сила могучая. Все громче и громче будетъ гремятъ ихъ грозная рѣчь. И скоро скоро услышитъ ихъ русскій народъ, скоро проснется онъ отъ своего вѣкового сна и горе тогда злодѣямъ его!

к о н е ц ъ .

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

Итакъ во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними, ибо въ этомъ законъ и пророки.

(Мѡ. VII, 12).

I.

Рабочаго народа во всемъ мѣрѣ больше миллиарда, тысячи миллионовъ людей. Весь хлѣбъ, всѣ товары всего мѣра, все, чѣмъ живутъ и чѣмъ богаты люди, все это дѣлаетъ рабочій народъ. Но пользуются всѣмъ тѣмъ, что онъ производитъ, не онъ, а правительство и богачи. Рабочій же народъ живетъ въ постоянной пуждѣ, невѣжествѣ, неволѣ и презрѣннн у тѣхъ самыхъ, кого онъ одѣваетъ, кормить, обстраиваетъ и обслуживаетъ.

Земля отнята у него и считается собственностью тѣхъ, кто на ней не работаетъ; такъ что, для того, чтобы кормиться съ нея, рабочій долженъ дѣлать все то, что отъ него требуютъ владѣльцы земли. Если же рабочій уходитъ съ земли и идетъ въ прислуги, на заводы, фабрики, то попадаетъ въ неволю къ богачамъ, у которыхъ долженъ всю жизнь по 10, 12 и 14 и больше часовъ работать чужую, однообразную, скучную и часто губительную для жизни работу. Если же онъ и сумѣетъ устроиться на землѣ или на чужой работѣ такъ, чтобы безъ нужды кормиться, то его не оставляютъ въ покоѣ, а потребуютъ съ него подати и, кромѣ того, еще самого на 3, 4, 5 лѣтъ возьмутъ въ солдаты или заставятъ платить особыя подати на военное дѣло. Если же онъ захочетъ пользоваться землею, не платя за нее, или устроить стачку и захочетъ помѣшанъ другимъ рабочимъ занять его мѣсто, или откажется платить подати, то на него высылаютъ войска, ранятъ и убиваютъ его и силой заставляютъ работать и платить попрежнему.

Такъ что живутъ рабочіе люди во всемъ мірѣ не какъ люди, а какъ рабочій скотъ, котораго заставляютъ всю жизнь дѣлать то, что нужно не ему, а его угнетателямъ, и

даютъ ему за это пищи, одежды и отдыха только ровно столько, сколько нужно, чтобы онъ, не переставая, работалъ. Та же малая часть людей, которая властвуетъ надъ рабочимъ народомъ, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что производитъ народъ, живетъ въ праздности и безумной роскоши, бесполезно и безнравственно тратя труды миллионъ.

И такъ живутъ большинство людей во всемъ мѣрѣ, не въ одной Россіи, а и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Китаѣ, и въ Индіи, и въ Африкѣ—вездѣ. Кто виноватъ въ этомъ? И какъ поправить это? Одни говорятъ, что виноваты въ этомъ тѣ, кто, не работая на землѣ, владѣютъ ею, и что надо отдать землю рабочему народу; другіе говорятъ, что виноваты въ этомъ богачи, владѣющіе орудіями труда, т. е. фабриками и заводами, и что надо, чтобы фабрики и заводы были собственностью рабочихъ; третьи говорятъ, что виновато все устройство жизни, и что надо совершенно измѣнить это устройство.

Правда ли это?

II.

Лѣтъ пять тому назадъ, во время коронаціи Николая II, въ Москвѣ народу было обѣщано даровое угощеніе виномъ, пивомъ и закусками. Народъ двинулся къ тому мѣсту, гдѣ раздавалось угощеніе, и сдѣлалась давка. Переднихъ сбили съ ногъ задніе, а заднихъ давили еще задніе, и ни тѣ, ни другіе, не видя того, что дѣлалось впереди, толкали и давили другъ друга. Слабыхъ сбивали съ ногъ сильные, а потомъ и сами сильные задыхались отъ тѣсноты и духоты, падали, и ихъ топтали тѣ, которыхъ тѣснили сзади и которые не могли уже остановиться. И такъ до смерти задавили нѣсколько тысячъ чловѣкъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ.

Когда все кончилось, начали люди разсуждать о томъ, кто былъ виноватъ въ этомъ. Одни говорили, что виновата полиція; другіе говорили, что виноваты распорядители; третьи говорили, что виноватъ царь, устроившій глупую затѣю праздника. Всѣхъ винили, но только не самихъ себя. А казалось бы ясно, что были виноваты только тѣ люди, которые, изъ-за того, чтобы получить прежде другихъ

горсть пряниковъ и кружку вина, лѣзли впередъ, не обращая вниманія на другихъ, толкали и давили ихъ.

Развѣ не то же самое съ рабочимъ народомъ? Рабочіе замучены, раздавлены, обращены въ рабство только потому, что изъ-за ничтожныхъ выгодъ они сами губятъ жизни свои и своихъ братьевъ. Рабочіе жалуются на землевладѣльцевъ, на правительство, на фабрикантовъ, на войско.

Но вѣдь землевладѣльцы пользуются землями, правительство собираетъ подати, фабриканты распоряжаются рабочими, и войска подавляютъ стачки только потому, что сами рабочіе не только помогаютъ землевладѣльцамъ, правительству, фабрикантамъ, войскамъ, но сами дѣлаютъ все то, на что жалуются. Вѣдь если землевладѣлецъ можетъ пользоваться тысячами десятинъ земли, не обрабатывая ее самъ, то только потому, что рабочіе изъ-за своихъ выгодъ идутъ и работать къ нему, и служить у него сторожами, объѣздчиками, приказчиками. Точно такъ же и подати собираются правительствомъ съ рабочихъ только потому, что сами рабочіе, льстясь на жалованіе, собираемое съ нихъ же, идутъ въ старосты, старшины, сборщики, полицейскіе, таможенныя, пограничную стражу, т. е. помогаютъ прави-

тельству дѣлать то, на что они жалуются. Жалуются еще рабочіе на то, что фабриканты убавляютъ плату и заставляютъ все больше и больше часовъ работать; но и это дѣлается только потому, что сами рабочіе сбиваютъ цѣны другъ у друга и, кромѣ того, нанимаются къ фабрикантамъ въ приемщики, надсмотрщики, сторожа, старшіе рабочіе и обыскиваютъ, штрафуютъ и всячески въ пользу своего хозяина притѣсняють своего брата.

Жалуются, наконецъ, рабочіе на то, что на нихъ высылаютъ войска, если они хотятъ владѣть землею, которую считаютъ своею, не платятъ подати или устраиваютъ стачки.

Но вѣдь войска—это солдаты, а солдаты—это сами рабочіе, которые, кто изъ выгоды, а кто изъ страха, поступаютъ въ военную службу и даютъ противное и совѣсти, и признаваемому ими закону Бога клятвенное обѣщаніе убивать всѣхъ тѣхъ, кого велитъ имъ убивать начальство.

Такъ что всѣ бѣдствія рабочихъ производятъ они сами.

Стоитъ имъ только перестать помогать богачамъ и правительству, и всѣ ихъ бѣдствія уничтожатся сами собой.

Отчего же они продолжаютъ дѣлать то, что губить ихъ?

Ш.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ сталъ извѣстенъ людямъ законъ Бога о томъ, что должно поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, или, какъ онъ выраженъ у китайскаго мудреца Конфуція, — не дѣлать другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Законъ этотъ простъ, понятенъ всякому человѣку и, очевидно, даетъ наибольшее доступное людямъ благо. И потому казалось бы, что какъ только люди узнали этотъ законъ, имъ надо бы сейчасъ же, на сколько возможно, самимъ исполнять его и всѣ силы употреблять на то, чтобы обучать этому закону и приучать къ исполненію его молодыя поколѣнія.

Такъ поступать, казалось, должны бы были уже давно всѣ люди, такъ какъ законъ этотъ почти одновременно былъ высказанъ и Конфуціемъ, и еврейскимъ мудрецомъ Гилелемъ, и Христомъ.

Въ особенности, казалось бы, должны были поступать такъ люди нашего христіанскаго міра, признающіе главнымъ божественнымъ откровеніемъ то Евангеліе, въ которомъ прямо сказано, что въ этомъ законѣ весь законъ и пророки, т. е. все нужное людямъ ученіе.

А между тѣмъ прошло почти 2000 лѣтъ, и люди не только не исполняютъ этого закона и не учатъ ему дѣтей, но большею частью и сами не знаютъ его, а если и знаютъ, считаютъ его или ненужнымъ, или неисполнимымъ.

Сначала это кажется страннымъ, но когда подумаешь о томъ, какъ жили люди до открытія этого закона и какъ долго они жили такъ, и о томъ, какъ несогласенъ этотъ законъ съ сложившейся жизнью человѣчества, то начинаешь понимать, отъ чего это случилось.

Случилось это отъ того, что, пока люди не знали закона о томъ, что для блага всѣхъ каждому должно дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, каждый человѣкъ старался для своей выгоды забрать себѣ какъ можно больше власти надъ другими людьми. Забравъ же такую власть, каждый для того, чтобы безпрепятственно пользоваться

ею, долженъ былъ въ свою очередь покоряться тѣмъ, которые были сильнѣе его, и помогать имъ. Эти же сильные должны были въ свою очередь покоряться тѣмъ, которые были сильнѣе ихъ, и помогать имъ.

Такъ что въ обществахъ, не знавшихъ закона о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою, всегда малое число людей властвовало надъ всѣми остальными.

И потому понятно, что когда законъ этотъ былъ открытъ людямъ, то властвующее надъ остальными малое число не только не пожелало для себя принять этотъ законъ, но и не могло желать, чтобы люди, надъ которыми оно властвовало, узнали и приняли его.

Малое число властвующихъ людей знало и знаетъ очень хорошо, что власть его держалась и держится только на томъ, что всѣ тѣ, надъ кѣмъ оно властвовало, постоянно борются между собою, стараясь подчинить себѣ другъ друга. И потому употребило и всегда употребляетъ теперь всѣ зависящія отъ него средства, чтобы скрыть существованіе этого закона отъ подчиненныхъ.

Скрываютъ они этотъ законъ не тѣмъ, что отрицаютъ его, что и невозможно, такъ законъ ясенъ и простъ,—а тѣмъ, что выстав-

ляют сотни, тысячи другихъ законовъ, признавая ихъ болѣе важными и обязательными, чѣмъ законъ о дѣланіи другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Одни изъ этихъ людей—жрецы—проповѣдуютъ сотни церковныхъ догматовъ, обрядовъ, жертвоприношеній, молитвословій, не имѣющихъ ничего общаго съ закономъ о томъ, чтобы поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, — выдавая ихъ за самые важные законы Бога, неисполненіе которыхъ влечетъ за собой вѣчную погибель.

Другіе—правители, усвоивъ придуманное жрецами ученіе и принимая его за законъ, устанавливають на основаніи его уже прямо противоположныя закону взаимности государственныя постановленія и подъ угрозой наказанія требуютъ отъ всѣхъ людей исполненія ихъ.

Третьи, наконецъ,—ученые и богатые, не признавая ни Бога, ни какого-либо обязательнаго закона Его, учатъ тому, что есть только наука и ея законы, которые они, ученые, открываютъ, а богатые знаютъ, и что для того, чтобы всѣмъ стало хорошо, нужно посредствомъ школъ, лекцій, театровъ, концертовъ, галлерей, собраній научиться той самой празд-

ной жизни, которою живутъ ученые и богатые, и тогда будто бы само собою уничтожится все то зло, отъ котораго страдаютъ рабочіе.

И тѣ, и другіе, и третьи не отрицаютъ самаго закона, но выставляютъ рядомъ съ нимъ такое количество всякаго рода богословскихъ, государственныхъ и научныхъ законовъ, что среди нихъ не только становится незамѣтнымъ, но совершенно исчезаетъ тотъ простой, ясный и всѣмъ доступный законъ Бога, исполненіе котораго несомнѣнно избавляетъ большинство людей отъ ихъ страданій.

Вотъ отъ этого-то и произошло и происходитъ то удивительное дѣло, что рабочіе люди, задавленные правительствомъ и богачами, продолжаютъ поколѣнія за поколѣніями губить свои жизни и жизни своихъ братьевъ и, прибѣгая для облегченія своего положенія къ самымъ сложнымъ, хитрымъ и труднымъ средствамъ, какъ молитвы, жертвоприношенія, покорное исполненіе государственныхъ требованій, союзы, кассы, собранія, стачки, революціи,—не прибѣгаютъ только къ тому единственному средству—исполненію закона Бога, которое навѣрное избавляетъ ихъ отъ ихъ бѣдствій.

IV.

„Но неужели въ такомъ простомъ и короткомъ изреченіи о томъ, что людямъ надо поступать съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, заключается весь законъ Бога и все руководство жизни человѣческой?“ — скажутъ люди, привыкшие къ сложности и запутанности богословскихъ, государственныхъ и научныхъ разсужденій.

Такимъ людямъ кажется, что законъ Бога и руководство жизни человѣческой должно выражаться въ пространныхъ, сложныхъ теоріяхъ и потому не можетъ быть все выражено въ такомъ краткомъ и простомъ изреченіи.

Дѣйствительно, законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, очень коротокъ и простъ, но именно эта-то краткость и простота его и показываютъ то, что это законъ истинный, несомнѣнный, вѣчный и благой, законъ Бога, выработанный тысячелѣтней жизнью всего человечества, а не произведеніе одного человека или одного кружка людей, называющаго себя церковью, государствомъ или наукой.

Богословскія разсужденія о паденіи перва-

го человека, объ его искупленіи, о второмъ пришествіи, или государственныя и научныя разсужденія о парламентахъ, верховной власти, о теоріи наказанія, собственности, цѣнности, о классификаціи наукъ, естественномъ подборѣ и т. п. могутъ быть очень остроумны и глубокомысленны, но всегда доступны только малому числу людей. Законъ же о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, доступенъ всѣмъ людямъ безъ различія породы, вѣры, образованія, даже возраста.

Кромѣ того, богословскія, государственныя, научныя разсужденія, считаясь истиной въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, считаются ложью въ другомъ мѣстѣ и въ другое время; законъ же о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, вездѣ, гдѣ только извѣстенъ, одинаково считается истиной и не можетъ перестать быть истиной для тѣхъ, кто разъ узналъ его.

Главное же различіе этого закона отъ всѣхъ другихъ и главное его преимущество то, что всѣ законы богословскіе, государственныя, научныя—не только не умиротворяютъ людей и не даютъ имъ блага, но часто именно они-то и производятъ величайшую вражду и страданія.

Законъ же о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, или не дѣлать другимъ, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, не можетъ произвести ничего кромѣ согласія и блага. И потому выводы изъ этого закона безконечно благодѣтельны и разнообразны, опредѣляя всевозможныя отношенія людей между собою и вездѣ замѣняя разногласіе и борьбу согласіемъ и взаимнымъ служеніемъ. Только бы люди, освободившись отъ обмановъ, скрывающихъ отъ нихъ этотъ законъ, признали бы обязательность его и стали разрабатывать все примѣненія его къ жизни, и явилась бы, отсутствующая теперь, общая для всехъ людей и самая важная въ мірѣ наука о томъ, какъ должны разрѣшаться на основаніи этого закона все столкновенія, какъ отдѣльныхъ людей между собою, такъ и отдѣльныхъ лицъ съ обществомъ. А была бы основана эта отсутствующая теперь наука, разрабатывалась бы она, и обучались бы ей все взрослые и дѣти, какъ теперь они обучаются вреднымъ суевѣріямъ и часто бесполезнымъ или вреднымъ наукамъ, то измѣнилась бы и вся жизнь людей и въ томъ числѣ и тѣ тяжелыя условія жизни, въ которыхъ живетъ теперь огромное большинство ихъ.

V.

Въ библейскомъ преданіи говорится, что Богъ далъ еще гораздо прежде закона о недѣланіи другимъ того, что не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, — свой законъ людямъ.

Въ законѣ этомъ была заповѣдь: „не убій“. Заповѣдь эта для своего времени была такъ же значительна и такъ же плодотворна, какъ и позднѣйшая заповѣдь о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, но съ нею случилось то же, что и съ этой позднѣйшей заповѣдью. Она не была прямо отвергнута людьми, но такъ же, какъ и позднѣйшая заповѣдь взаимности, затеряна среди другихъ правилъ и постановленій, признанныхъ одинаково или еще болѣе важными, чѣмъ законъ о непарушимости жизни человѣческой. Если бы эта заповѣдь была одна, и Моисей, по преданію, принесть бы на скрижаляхъ, какъ единый законъ Бога, только два слова „не убій“, люди должны бы были признать ничѣмъ не замѣнимую обязательность исполненія этого закона. А признай только люди этотъ законъ главнымъ и единственнымъ закономъ Бога и строго исполняй

его, хоть такъ же строго, какъ нѣкоторые исполняютъ теперь празднованіе субботы, почитаніе иконъ, причащеніе, неядѣніе свинины и т. п., то измѣнилась бы вся жизнь человѣческая, не были бы возможны ни войны, ни рабство, ни отнятіе земли богатыми отъ бѣдныхъ, ни обладаніе произведеніями труда многихъ, потому что все это держится только на возможности или на угрозѣ убійства.

Такъ бы было, если бы законъ „не убій“ былъ признанъ единственнымъ закономъ Бога. Когда же, наравнѣ съ этимъ закономъ, были признаны столь же важными заповѣди о днѣ суботнемъ, о произнесеніи имени Бога и другія, то естественно возникли и еще новыя постановленія жрецовъ, признанныя также одинаково важными, и единый величайшій законъ Бога: „не убій“, который измѣнялъ всю жизнь людей, потонулъ среди нихъ и сталъ не только не всегда обязательнымъ, но найдены были случаи, когда можно было поступать совершенно противно ему, такъ что законъ этотъ и до сего дня не получилъ своего собственнаго ему значенія.

То же самое случилось и съ закономъ о томъ, чтобы поступать съ другими такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой.

Такъ что главное зло, отъ котораго стра-

даютъ люди, уже давно не въ томъ, что они не знаютъ истиннаго закона Бога, а въ томъ, что люди, которымъ невыгодно знаніе и исполненіе истиннаго закона, будучи не въ силахъ уничтожить или опровергнуть его, придумываютъ „постановленіе на постановленіе, правило на правило“, какъ говоритъ Исаія, и выдаютъ ихъ за столь же или еще болѣе обязательные законы, чѣмъ истинные законы Бога. И потому единственное, что нужно теперь для избавленія людей отъ ихъ страданій, это то, чтобы они освободились отъ всѣхъ богословскихъ, государственныхъ и научныхъ разсужденій, выдаваемыхъ за обязательные законы жизни, и, освободившись, естественно признали для себя болѣе обязательнымъ, чѣмъ всѣ другіе постановленія и законы, тотъ истинный, вѣчный законъ Бога, который уже извѣстенъ имъ и даетъ не нѣкоторымъ только, но всѣмъ людямъ наибольшее возможное въ общественной жизни благо.

VI.

„Но“ — скажутъ нѣкоторые, — „какъ ни справедливъ самъ по себѣ законъ о томъ, чтобы дѣлать другимъ только то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, онъ не можетъ быть одинъ примѣненъ ко всѣмъ случаямъ жизни. Признай только люди этотъ законъ обязательнымъ всегда, безъ всякихъ исключеній, они должны будутъ признать недонустимымъ употребленіе всякаго насилія однихъ людей надъ другими, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не желаетъ того, чтобы надъ нимъ было произведено насиліе. А безъ насилія надъ нѣкоторыми людьми не можетъ быть обезпечена личность, не можетъ быть ограждена собственность, не можетъ быть защищено отечество, не можетъ быть поддержанъ существующій порядокъ“.

Богъ говоритъ людямъ: „для того, чтобы вамъ всѣмъ вездѣ и всегда было хорошо, исполняйте мой законъ о томъ, чтобы дѣлать другимъ то, что хотите, чтобы вамъ дѣлали“.

Люди же, устроившіе извѣстный порядокъ въ 1901 году въ Англіи, Германіи, Франціи, Россіи,—говорятъ: „какъ бы не было хуже

отъ того, что мы станемъ исполнять законъ Бога, данный намъ для нашего блага“.

Законъ, составленный собраніемъ людей, какъ бы онъ ни былъ страненъ и какими бы плохими людьми онъ ни былъ составленъ,—мы принимаемъ и не боимся исполнять; а законъ, не только согласный съ разумомъ и совѣстью, но прямо выраженный въ книгѣ, которую мы признаемъ откровеніемъ Бога, мы боимся исполнять: какъ бы не случилось отъ этого худого? не произошелъ бы безпорядокъ?

Развѣ не очевидно, что люди, говорящіе и думающіе такъ, говорятъ не о порядкѣ, а о томъ безпорядкѣ, въ которомъ они живутъ и который для нихъ выгоденъ?

Порядокъ по ихъ понятію — это такое положеніе, при которомъ они могутъ поѣдать жизни другихъ людей; безпорядокъ же—это то, когда поѣдаемые люди желаютъ, чтобы ихъ перестали ѣсть.

Такія разсужденія показываютъ только то, что люди малаго числа властвующихъ чувствуютъ большей частью безсознательно, что признаніе закона о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, и исполненіе его людьми не только разрушаетъ ихъ выгодное общественное положеніе, но и обличаетъ

всю ихъ безнравственность и жестокость. Люди эти не могутъ разсуждать иначе.

Но рабочимъ, согнаннымъ съ земли, задавленнымъ податями, загнаннымъ на каторжную работу фабрикъ, передѣланнымъ въ рабовъ-солдатъ, которые мучаютъ самихъ себя и своихъ братьевъ, пора понять, что только въра въ законъ Бога и исполненіе его избавятъ ихъ отъ ихъ страданій.

Неисполненіе этого закона и все увеличивающіяся и увеличивающіяся отъ этого бѣдствія сами толкаютъ ихъ къ этому. Рабочимъ уже пора почувствовать, что спасеніе ихъ только въ этомъ, что стоитъ имъ только начать исполнять законъ взаимности, и положеніе ихъ тотчасъ же улучшится, — улучшится въ той мѣрѣ, въ которой будетъ увеличиваться число людей, поступающихъ съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними.

И это не слова, не отвлеченныя разсужденія, какъ религіозныя, государственныя, социалистическія, научныя теоріи, а дѣйствительное средство освобожденія.

Разсужденія и обѣщанія богословскія, государственныя и научныя сулятъ блага рабочимъ, одни на томъ свѣтѣ, другіе на этомъ, но въ далекомъ будущемъ, когда сгніютъ кости тѣхъ, которые живутъ и страдаютъ

теперь; исполненіе же закона о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, сейчасъ же несомнѣнно улучшаетъ положеніе рабочихъ.

Если бы всѣ рабочіе и не видѣли ясно того, что работами на земляхъ капиталистовъ и на ихъ фабрикахъ они даютъ капиталистамъ возможность пользоваться произведеніями труда своихъ братьевъ и потому нарушаютъ этимъ законъ взаимности, или если бы и видѣли, но по нуждѣ не имѣли бы силъ отказаться отъ такой работы, то все-таки воздержаніе отъ такихъ работъ, хотя и нѣкоторыхъ, затруднивъ капиталистовъ, улучшило бы сейчасъ же общее положеніе рабочихъ. Воздержаніе же отъ прямого участія въ дѣятельности капиталистовъ и правительства въ должностяхъ надсмотрщиковъ, приказчиковъ, сборщиковъ податей, таможенныхъ и другихъ, явно противныхъ закону взаимности, еще болѣе улучшило бы положеніе рабочихъ, если бы даже и не всѣ были въ силахъ воздержаться отъ такой дѣятельности. Отказъ же рабочихъ отъ участія въ войскахъ, имѣющихъ цѣлью убійство—поступокъ самый противный закону взаимности,— въ послѣднее время все чаще и чаще направляемыхъ противъ рабочихъ, уже совершенно измѣнилъ бы къ

лучшему все положеніе рабочихъ.

VII.

Законъ Бога не потому законъ Бога, что онъ, какъ всегда увѣряютъ жрецы про свои законы, чудеснымъ образомъ произнесенъ самимъ Богомъ, а потому, что онъ безошибочно и очевидно указываетъ людямъ на тотъ путь, идя по которому они навѣрное избавляются отъ своихъ страданій и навѣрное получаютъ наибольшее внутреннее — духовное и виѣшнее — тѣлесное благо и получаютъ не одни какіе-либо избранные, а всѣ люди безъ всякаго исключенія.

Таковъ законъ Бога о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой. Онъ показываетъ людямъ, что, исполняя его, они навѣрное получаютъ внутреннее духовное благо сознанія согласія съ волей Бога и увеличенія любви въ себѣ и въ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общественной жизни наибольшее доступное имъ вѣрное благо; — отступающа же отъ него, навѣрное ухудшаютъ свое положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всякому человѣку, не участвующему въ борьбѣ людей между собою, но наблюдающему жизнь извнѣ, очевидно, что борющіеся между собой люди поступаютъ совершенно такъ же, какъ игроки, отдающіе свою вѣрную, хотя и небольшую собственность за очень сомнительную возможность ея увеличенія.

Улучшить ли свое положеніе рабочій, сбившій цѣну съ работы товарищей или пошедшій на службу богачамъ, или поступившій на военную службу, — такъ же сомнительно, какъ и то, что выиграетъ игрокъ, ставящій свою ставку.

Могутъ быть тысячи случайностей, по которымъ положеніе его останется такимъ же или станетъ еще хуже, чѣмъ было. То же, что его согласіе работать дешевле или готовность служить капиталистамъ и правительству ухудшитъ хотя немного положеніе всѣхъ рабочихъ и его вмѣстѣ съ другими, это уже несомнѣнно, такъ же несомнѣнно, какъ и то, что игрокъ навѣрное лишается той ставки, которой онъ рискуетъ.

Для человѣка, не участвующаго въ борьбѣ, но наблюдающаго жизнь, очевидно, что какъ въ азартныхъ играхъ, лоттерейхъ, биржѣхъ наживаются только держатели игорныхъ до-

мовъ, лоттерей, маклерскихъ конторъ, а разоряются всѣ играющіе, такъ и въ жизни наживаются только правительства, богачи, вообще угнетатели; всѣ же рабочіе, которые въ надеждѣ улучшить свое положеніе отступаютъ отъ закона взаимности, только ухудшаютъ положеніе всѣхъ рабочихъ и потому и свое вмѣстѣ со всѣми.

Законъ Бога потому и законъ Бога, что онъ опредѣляетъ положеніе человѣка въ мірѣ, показывая ему то лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, находясь въ этомъ положеніи, какъ для своей духовной, такъ и для плотской жизни.

„И не заботьтесь“ — говорится въ евангелии въ объясненіе этого закона — „и не говорите, что намъ ѣсть и что намъ пить и во что одѣться. Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите Царствія Божія и правды Его, и все это приложится вамъ“. И это не слова, а разъясненіе истиннаго положенія человѣка въ мірѣ.

Если только человѣкъ дѣлаетъ то, чего хочетъ отъ него Богъ, исполняетъ Его законъ, то и Богъ сдѣлаетъ для него все, что ему нужно. Такъ что законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что ты хочешь, чтобы тебѣ дѣ-

ляли, относится и къ Богу.

Для того чтобы Онъ дѣлалъ для насъ то, что мы хотимъ, мы должны дѣлать для Него то, чего Онъ отъ насъ хочетъ. Онъ же хочетъ отъ насъ того, чтобы мы поступали съ другими такъ же, какъ бы мы желали, чтобы поступали съ нами.

Разница только въ томъ, что то, чего Онъ отъ насъ хочетъ, нужно не для Него, а для насъ же, давая намъ высшее доступное намъ благо.

VIII.

Рабочіе должны сами очиститься для того, чтобы правительства и богачи перестали поѣдать ихъ жизни.

Нечистъ заводится только на грязномъ тѣлѣ и питается чужимъ тѣломъ только до тѣхъ поръ, пока оно нечисто. И потому для избавленія рабочихъ отъ ихъ бѣдствій есть только одно средство: очищеніе себя. Для очищенія же себя нужно освобожденіе отъ суевѣрій богословскихъ, государственныхъ и научныхъ и вѣра въ Бога и законъ Его.

Въ этомъ единственное средство избавленія..

А то встрѣчаешь или цивилизованнаго, или простого, малограмотнаго рабочаго. Оба полны негодованія противъ существующаго порядка вещей. Цивилизованный рабочій не вѣрить ни въ Бога, ни въ законъ Его, но знаетъ Маркса, Лассаля, слѣдитъ за дѣятельностью Бебелей, Жоресовъ въ парламентахъ и произноситъ прекрасныя рѣчи о несправедливости захвата земли, орудій труда, передачи имущества по наслѣдству и т. п.

Необразованный же рабочій, хотя и не знаетъ теорій и вѣрить въ тронцу, искупленіе и т. п., но также возмущенъ противъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ, и считаетъ неправильнымъ все существующее устройство. А дайте этимъ рабочимъ, ученому и неученому, возможность улучшить свое положеніе тѣмъ, чтобы, производя какіе-либо предметы дешевле другихъ, хотя бы это и разоряло десятки, сотни, тысячи собратьевъ, или возможность поступить къ капиталисту на должность, дающую ему большое жалованіе, или купить землю и самому завести заведеніе съ наемнымъ трудомъ, и 999 изъ тысячи, не задумываясь, сдѣлаютъ это и будутъ защищать свои земельныя права или права нанимателей часто еще ретивѣе, чѣмъ прирожденные землевладѣльцы и капиталисты.

О томъ же, что ихъ участіе въ убійствѣ, т. е. военной службѣ, или въ податяхъ, назначенныхъ на содержаніе войскъ, есть поступокъ не только нравственно дурной, но и самый губительный для ихъ собратьевъ и для нихъ же,—тотъ самый, который составляетъ основу ихъ рабства,—объ этомъ никто изъ нихъ и не думаетъ, и всѣ или охотно даютъ подать на войско, или сами идутъ въ солдаты, считая такой поступокъ совершенно естественнымъ.

Развѣ возможно, чтобы изъ такихъ людей сложилось общество иное, чѣмъ то, которое существуетъ теперь?

Рабочіе обвиняютъ въ своемъ положеніи жадность и жестокость землевладѣльцевъ, капиталистовъ, насильниковъ; но вѣдь всѣ, или почти всѣ рабочіе, безъ вѣры въ Бога и законъ Его, такіе же, только маленькіе, или неудавшіеся землевладѣльцы, капиталисты и насильники.

Деревенскій малый, нуждаясь въ заработкѣ, приходитъ въ городъ къ земляку, живущему кучеромъ у богатаго купца, и проситъ пристроить его на мѣсто, довольствуясь платой, меньшею обыкновенной. Деревенскій малый готовъ поступить на мѣсто; придя на другой день утромъ, случайно слышалъ въ дворниц-

кой жалобы старика, лишившагося мѣста и не знавшаго, какъ прожить. Малому жалко старика, и онъ отказывается отъ мѣста, не желая сдѣлать другому человѣку то, чего онъ не желалъ, чтобы сдѣлали ему. Или крестьянинъ съ большой семьей поступаетъ на хорошо оплачиваемое мѣсто приказчика къ богатому и строгому помѣщику. Новый приказчикъ чувствуетъ свою семью обезпеченной, радъ мѣсту, но, вступивъ въ должность, ему тотчасъ приходится брать штрафы съ крестьянъ за упущенные въ господскіе луга лошади, ловить бабъ, собирающихъ на топку сучья въ хозяйскомъ лѣсу, приходится уменьшать цѣны рабочихъ и заставлять ихъ работать изъ послѣднихъ силъ. И поступившій на должность приказчика чувствуетъ, что совѣсть его не позволяетъ ему заниматься этимъ дѣломъ, онъ отказывается и, несмотря на жалобы и укоры семьи, остается безъ мѣста и занимается другимъ дѣломъ, дающимъ ему гораздо меньше. Или еще солдатъ, котораго привели съ ротой противъ бунтующихъ рабочихъ и велятъ стрѣлять въ нихъ; онъ отказывается повиноваться и несетъ за это жестокия мученія. Всѣ эти люди поступаютъ такъ потому, что то зло, которое они дѣлаютъ другимъ, видно имъ, и сердце ихъ

прямо говорить имъ, что то, что они дѣлають, противно закону Бога о томъ, чтобы не дѣлать другимъ, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Но вѣдь если рабочій сбиваетъ цѣну съ работы и не видитъ тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ зло, то зло, которое онъ этимъ дѣлаетъ своимъ братьямъ, отъ этого не меньше. И если рабочій переходитъ на сторону хозяевъ и не видитъ и не чувствуетъ того вреда, который онъ дѣлаетъ своимъ, то вредъ все-таки останется.

То же и съ человѣкомъ, поступающимъ въ военную службу и готовящимся, если это понадобится, убивать своихъ братьевъ. Если онъ не видитъ еще, поступая на службу, кого и какъ онъ будетъ убивать, учась стрѣлять и колоть, ему можно понять, что ему придется это дѣлать. И потому для того, чтобы рабочіе избавились отъ своего угнетенія и рабства, имъ надо воспитать въ себѣ религіозное чувство, запрещающее все то, что ухудшаетъ общее положеніе ихъ братьевъ, хотя бы это ухудшеніе было и незамѣтно имъ. Имъ надо религіозно воздерживаться, какъ воздерживаются теперь люди отъ ѣды свинины, отъ скоромнаго въ посты, отъ работы въ воскресенье и т. п., во-первыхъ, отъ работы у капиталистовъ, если онъ только можетъ про-

жить безъ этого; во-вторыхъ, отъ предложенія работы по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ она установилась; въ-третьихъ, отъ улучшенія своего положенія переходомъ на сторону капиталистовъ, служеніемъ имъ; и, въ-четвертыхъ, главное, отъ участія въ правительственномъ насиліи—будетъ ли это полицейская, таможенная или общая военная служба.

Только такимъ религіознымъ отношеніемъ къ формѣ своей дѣятельности могутъ освободиться рабочіе отъ своего порабощенія.

Если рабочій готовъ изъ выгоды или страха согласиться идти въ организованные убійцы-солдаты, не чувствуя при этомъ угрызенія совѣсти, если онъ готовъ спокойно для увеличенія своего благосостоянія лишиться заработка своего болѣе нуждающагося собрата или изъ-за жалованія перейти на сторону угнетателей, помогая имъ въ ихъ дѣятельности, — ему не на что жаловаться.

Каково бы ни было его положеніе, онъ самъ его дѣлаетъ и самъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ угнетеннымъ или угнетателемъ.

И это не можетъ быть иначе. Не вѣря въ Бога и законъ Его, человѣкъ не можетъ не желать получить для себя въ своей короткой жизни какъ можно больше блага, несмотр-

ря на то, какія это будетъ имѣть послѣдствія для другихъ. А какъ только всѣ люди желаютъ каждый себѣ какъ можно больше блага, несмотря на то, что будетъ отъ этого съ другими, то неизбежно, какія бы ни вводились порядки, такіе люди всѣ сложатся въ кучу съ острымъ концомъ (конусомъ), вверху которой будутъ властвующие, а внизу угнетенные.

IX.

Въ евангеліи говорится, что Христосъ жалѣлъ людей за то, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря.

Что бы онъ почувствовалъ и сказалъ теперь, увидавъ людей не только изнуренными и разсѣянными, какъ овцы безъ пастыря, но миллиарды людей во всемъ мірѣ, поколѣнія за поколѣніями губящихъ самихъ себя въ скотской работѣ, въ одуреніи, невѣжествѣ, порокахъ, убивающихъ, мучающихъ другъ друга, несмотря на то, что средство избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдъ уже два тысячелѣтія тому назадъ дано имъ?

Ключъ, отпирающій замокъ той цѣпи, которою скованъ рабочій народъ, положень подлѣ него, и ему стоитъ только взять ключъ, отпереть цѣпь и быть свободнымъ. Но рабочіе люди до сихъ поръ не дѣлаютъ этого, а либо, ничего не предпринимая, предаются унынію, либо рвутся, обламывая себѣ плечи, въ надеждѣ прямо оборвать неразрывающуюся цѣпь, или, что еще хуже, поступаютъ, какъ привязанное животное, когда оно бросается на того, кто хочетъ отвязать его, нападаютъ на тѣхъ, которые показываютъ ему на тотъ ключъ, которымъ отпирается замокъ его цѣпи.

Ключъ этотъ есть вѣра въ Бога и законъ Его.

Только когда люди откинуть тѣ суевѣрія, въ которыхъ ихъ старательно воспитываютъ, повѣрятъ въ то, что законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, есть главный для нашего времени законъ Бога, повѣрятъ такъ, какъ вѣрятъ теперь въ празднованіе субботы, въ соблюденіе постовъ, въ необходимость богослуженій, причащеній, въ пятикратную молитву или въ исполненіе присяги и т. п., и, повѣривъ такъ, будутъ исполнять этотъ законъ прежде всѣхъ другихъ законовъ и постановленій, — только тогда уничтожится рабство и бѣдственное положеніе рабочихъ.

И потому рабочимъ самимъ надо прежде всего, не жалѣя старыхъ привычекъ и преданій и не боясь гоненій внѣшнихъ отъ церкви и государства и внутренней борьбы съ семейными, смѣло и рѣшительно освободиться отъ ложной вѣры, въ которой ихъ воспитываютъ, больше и больше выяснять себѣ и другимъ, въ особенности молодымъ поколѣніямъ и дѣтямъ, сущность вѣры въ Бога и вытекающаго изъ него закона взаимности и по мѣрѣ силъ слѣдовать ему, хотя бы слѣдованіе ему и представляло временную невыгоду.

Такъ должны поступать сами рабочіе.

Люди же изъ властвующаго меньшинства, которые, пользуясь трудомъ рабочихъ, приобрѣли всѣ выгоды образованія и потому могутъ ясно увидѣть обманы, въ которыхъ держатъ рабочихъ, если они точно хотятъ служить рабочимъ, должны прежде всего и своимъ примѣромъ, и проповѣдью стараться освободить рабочихъ отъ тѣхъ религіозныхъ и государственныхъ обмановъ, въ которыхъ они запутаны, а не дѣлать того, что они дѣлаютъ теперь: оставая, поддерживая и даже усиливая своимъ примѣромъ эти обманы, въ особенности—главные, религіозные, предлагать недѣйствительныя и даже вредныя лѣкарства, которыя не только не избавляютъ рабочихъ

отъ ихъ бѣдствій, но только болѣе и болѣе ухудшаютъ ихъ положеніе.

Скоро ли, когда и гдѣ это осуществится, никто не можетъ сказать. Одно несомнѣнно, что только одно это средство можетъ освободить огромное большинство людей—всѣхъ рабочихъ—отъ ихъ униженій и страданій.

Другого средства нѣтъ и не можетъ быть.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 12 іюля 1901 г.

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАКЪ НАДО?

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАКЪ НАДО?

I.

Стоить среди полей обнесенный стѣной чугунолитейный заводъ съ непереставая дымящимися огромными трубами, съ гремящими цѣпями, домнами, съ подъѣздной желѣзной дорогой и раскинутыми домками завѣдующихъ и рабочихъ. На заводѣ этомъ и въ шахтахъ его, какъ муравьи, копаются рабочіе люди: одни на 100 аршинъ подь землю въ темныхъ, узкихъ, душныхъ, сырыхъ, постоянно угрожающихъ смертью проходахъ съ утра до ночи, или съ ночи до утра, выбиваютъ руду; другіе въ темнотѣ, согнувшись, подвозятъ эту руду или глину къ дудкѣ и везутъ назадъ пустые вагончики, и опять наполняютъ ихъ, и такъ работаютъ по 12, 14 часовъ въ день всю недѣлю.

Такъ работаютъ въ шахтахъ. На самой домнѣ работаютъ одни у печей при удушающей жарѣ, другіе у спуска растопленной руды и шлака. Третьи—машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники, въ мастерскихъ также по 12, 14 часовъ всю недѣлю.

По воскресеньямъ всѣ эти люди получаютъ расчетъ, моются и, иногда немывые, напиваются въ трактирахъ и кабакахъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ заводъ и заманивающихъ рабочихъ, и съ ранняго утра въ понедѣльникъ опять становятся на ту же работу.

Тутъ же около завода мужики пахутъ на измученныхъ, захудалыхъ лошадяхъ чужое поле. Мужики эти встали на зарѣ, если они не провели ночь въ ночномъ, т. е. не ночевали у болота,—единственное мѣсто, гдѣ они могутъ накормить лошадь,—встали они на зарѣ, приѣхали домой, запрягли лошадь и, захвативъ краюху хлѣба, поѣхали пахать чужое поле.

Другіе же мужики тутъ же недалеко отъ завода сидятъ на шоссеиной дорогѣ, пригородивъ себѣ изъ рогожки защиту, и бьютъ шоссеинный камень. Ноги у этихъ людей избиты, руки въ мозоляхъ, все тѣло грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкія ихъ пропитаны известковой пылью.

Взявъ изъ неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми въ лапти и обмотанными ветошками ступнями ногъ, бьютъ по камню тяжелымъ молотомъ до тѣхъ поръ, пока камень разсядется; а когда разсядется, берутъ разбитые куски и бьютъ по нимъ до тѣхъ поръ, пока и эти не разобьются на мелкій щебень; и опять берутъ цѣлые камни, и опять сначала... И такъ работаютъ эти люди отъ утренней лѣтней зари до ночи — 15, 16 часовъ, отдыхая только часа два послѣ обѣда, и два раза, въ завтракъ и въ полдень, подкрѣпляютъ себя хлѣбомъ и водой.

И такъ живутъ всѣ эти люди и въ шахтахъ, и на заводѣ, и пахари, и каменобойцы, съ молодыхъ лѣтъ и до старости; и такъ же живутъ въ непосильныхъ трудахъ ихъ жены и матери, наживая маточныя болѣзни; и такъ же живутъ ихъ отцы и дѣти, плохо накормленные, плохо одѣтые, въ сверхсильной, губящей здоровье работѣ, съ утра и до вечера, съ молодости и до старости.

А вотъ мимо завода, мимо каменобойцевъ, мимо пахущихъ мужиковъ, встрѣчая и обгоняя оборванныхъ мужчинъ и женщинъ съ котомками, бредущихъ изъ мѣста въ мѣсто и кормящихся Христовымъ именемъ, —

катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной гнѣдой четверней пятивершковыхъ коней, изъ которыхъ худшій стоитъ всего двора каждаго изъ любующихся на эту четверню мужиковъ. Въ коляскѣ сидятъ двѣ барышни, блестя яркими цвѣтами зонтиковъ, лентъ и перьевъ шляпъ, стоящихъ каждая дороже той лошади, на которой пахать мужикъ свое поле; на переднемъ мѣстѣ сидитъ блестящій на солнцѣ галунами и пуговицами офицеръ въ свѣже вымытомъ кителѣ; на козлахъ — грузный кучеръ въ шелковыхъ синихъ рукавахъ рубахи и бархатной поддевкѣ. Онъ чуть не задавилъ богомолокъ и не сбилъ въ канаву проѣзжавшаго порожнемъ мужика, въ его испачканной рудой рубахѣ трясушагося въ телѣгѣ.

„А это не видишь?“ говоритъ кучеръ, показывая кнутъ недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужикъ одной рукой дергаетъ за возжу, а другой—испуганно снимаетъ шапку съ вшивой головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнцѣ никелированными частями машины, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смѣются, перегоняя и пугая крестящихся богомолокъ.

Стороной же отъ шоссе ѣдутъ два верхо-

выхъ: мужчина на англійскомъ жеребцѣ и дама на иноходцѣ. Не говоря о цѣнѣ лошадей и сѣдлѣ, одна черная шляпа съ лиловымъ вуалемъ стоитъ два мѣсяца работы каменобойцевъ, а за стикъ-хлысть,—модный англійскій, заплачено столько, сколько получить въ недѣлю подземной работы тотъ малый, который идетъ довольный тѣмъ, что нанялся въ шахты, и сторонится, любуясь на гладкія фігуры лошадей и всадниковъ и на жирную, иноземную, огромную собаку въ дорогомъ ошейникѣ, бѣгущую съ высунутымъ языкомъ за ними.

Неподалеку за этой компаніей ѣдутъ на телѣгѣ улыбающаяся, съ завитыми кудряшками, нарядная дѣвица въ бѣломъ фартукѣ и толстый румяный мужчина съ расчесанными бакенбардами, съ папирской въ зубахъ, что-то нашептывающій дѣвицѣ. Въ телѣгѣ видны самоваръ, узлы въ салфеткахъ, мороженіца.

Это—прислуга людей, ѣдущихъ въ коляскѣ, верхомъ и на велосипедахъ. Нынѣшній день не представляетъ для нихъ ничего исключительнаго. Они живутъ такъ все лѣто и почти каждый день дѣлаютъ прогулки, а иногда, какъ нынче,—съ чаемъ, напѣтками и сладостями, съ тѣмъ, чтобы ѣсть и пить не въ одномъ и томъ же, а въ новомъ мѣстѣ.

Господа эти—три семьи, живущія въ деревнѣ и на дачѣ. Одна семья помѣщика—владѣльца 2000 десятинъ земли, другая чиновника, получающаго 3000 жалованья, третья—самая богатая семья—дѣти фабриканта.

Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видомъ всей той нищеты и каторжнаго труда, которые окружаютъ ихъ. Они считаютъ, что все это такъ и должно быть. Занимаетъ ихъ совсѣмъ другое.

„Нѣтъ, это невозможно,“ говоритъ дама верхомъ, оглядываясь на собаку,—„я не могу видѣть этого!“ и она останавливаетъ коляску. Все говорятъ вмѣстѣ по-французски, смѣются и сажаютъ собаку въ коляску и ѣдутъ дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцевъ и прохожихъ по дорогѣ.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, какъ существа изъ другого міра; а заводскіе, каменобойцы, мужики-пахари продолжаютъ свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

„Живутъ же люди!“ думаютъ они, провожая глазами проѣхавшихъ. И еще мучительнѣе представляется имъ ихъ мучительное существованіе.

II.

Что же это такое? Сдѣлали что-ли эти работающіе люди что-нибудь очень преступное, за что они такъ наказаны? Или это удѣлъ всѣхъ людей? А тѣ, которые проѣхали въ коляскахъ и на велосипедахъ, сдѣлали или еще дѣлаютъ что-нибудь особенно полезное и важное, за что они такъ награждены? Нисколько! напротивъ, тѣ, которые такъ напряженно работаютъ, большей частью нравственные, воздержанные, скромные, трудолюбивые люди; тѣ же, которые проѣхали, большею частью—развращенные, похотливые, наглые, праздные люди. А все это такъ только потому, что такое устройство жизни считается естественнымъ и правильнымъ въ мірѣ людей, утверждающихъ про себя или то, что они исповѣдуютъ законъ Христа любви къ ближнему, или то, что они культурные, т. е. усовершенствованные люди.

И такое устройство существуетъ не только въ томъ уголкѣ Тульского уѣзда, который живо представляется миѣ, потому что я часто видалъ его, а вездѣ, не только въ Россіи—отъ Петербурга до Батума, но и во Франціи—

отъ Парижа до Оверна, и въ Италиі—отъ Рима до Палермо, и въ Германіи, и въ Испаніи, и въ Америкѣ, и въ Австраліи, и даже въ Индіи и въ Китаѣ. Вездѣ два или три человѣка на тысячу живутъ такъ, что, ничего не дѣлая для себя, въ одинъ день съѣдаютъ и выпиваютъ то, что прокормило бы сотни людей въ годъ; носятъ на себѣ одежды, стояція тысячи, живутъ въ палатахъ, гдѣ помѣстились бы тысячи рабочихъ людей; тратятъ на свои прихоти тысячи, миллионы рабочихъ дней; другіе же, недосыпая, недоѣдая, работаютъ черезъ силу, губя свое тѣлесное и душевное здоровье на этихъ избранныхъ.

Для однихъ людей, когда они еще только собираются родиться, призываютъ акушерку, доктора, иногда двухъ для одной родильницы, готовятъ приданое съ сотней распашеночекъ, пеленокъ съ шелковыми лепточками, готовятъ на пружинахъ качающіяся телѣжки; другія же, огромное большинство, рожаютъ дѣтей гдѣ и какъ попало, безъ помощи, завертываютъ въ тряпки, кладутъ въ лубочныя люльки на солому и радуются, когда они умираютъ.

За дѣтьми однихъ, покуда мать лежитъ девять дней, ухаживаетъ бабка, нянька, кормилица, — за другими никто не ухаживаетъ,

потому что некому, и сама мать встает тотчас же послѣ родовъ, топить печку, доить корову и иногда стираетъ бѣлье на себя, мужа и дѣтей. Одни дѣти растутъ среди игрушекъ, забавъ и поученій, другіе сначала ползаютъ голыми брюхами черезъ пороги, увѣчатся, съѣдаются свиньями, а съ пяти лѣтъ начинаютъ подневольно работать. Однихъ научаютъ всей научной мудрости, приспособленной къ дѣтскому возрасту, другихъ обучаютъ матернымъ словамъ и самымъ дикимъ суевѣріямъ. Одни влюбляются, заводятъ романы и потомъ женятся, когда уже извѣдали все удовольствіе любви; другихъ женятъ и отдаютъ замужъ, за кого нужно родителямъ, для помощи въ работѣ отъ 16 до 20 лѣтъ. Одни ѣдятъ и пьютъ самое лучшее и дорогое, что только есть на свѣтѣ, кормя своихъ собакъ бѣлымъ хлѣбомъ и говядиной; другіе ѣдятъ одинъ хлѣбъ съ квасомъ, и то не вволю и не мягкій, чтобы не съѣсть лишняго. Одни, не пачкаясь, мѣняютъ тонкое бѣлье каждый день; другіе, постоянно работая чужую работу, мѣняютъ грубое, издранное вшивое бѣлье въ двѣ недѣли разъ, а то и вовсе не мѣняютъ, а посятъ его, пока распадется. Одни снятъ въ чистыхъ простыняхъ, на пуховикахъ; другіе—на землѣ, покрывшись

рванными кафтанами.

Одни ѣздятъ на сытыхъ, кормленныхъ коняхъ безъ дѣла, для гулянья; другіе мучительно работаютъ на неокормленныхъ лошадахъ и по дѣлу идутъ пѣшіе. Одни придумываютъ, что бы имъ сдѣлать, чтобы занять свое праздное время; другіе же не успѣваютъ обчиститься, обмыться, отдохнуть, слово сказать, повидаться съ родными. Одни читаютъ на четырехъ языкахъ, веселятся каждый день самыми разнообразными увеселеніями; другіе совсѣмъ не знаютъ грамоты, и не знаютъ другого веселья, кромѣ пьянства. Одни все знаютъ и ни во что не вѣрятъ; другіе ничего не знаютъ и вѣрятъ во всякій вздоръ, который имъ скажутъ. Одни, когда заболѣваютъ, то, не говоря о всѣхъ возможныхъ водахъ, всякомъ уходѣ и всякой чистотѣ и лѣкарствахъ, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая самый лучшій цѣлебный воздухъ; другіе ложатся въ курной избѣ на печку и съ непромытыми ранами, отсутствіемъ всякой пищи, кромѣ сухого хлѣба, и—воздуха, кромѣ зараженнаго десятью членами семейства, телятами и овцами, гниютъ заживо и преждевременно умираютъ.

Неужели это такъ надо?

Если есть высшій разумъ и любовь, ру-

ководящіе міромъ, если есть Богъ, то не могъ Онъ хотѣть, чтобы было такое раздѣленіе между людьми, чтобы одни не знали, что дѣлать съ избыткомъ своихъ богатствъ, и швыряли бы безъ толку плодъ трудовъ другихъ людей; другіе бы чахли и преждевременно умирали, или жили бы мучительной жизнью въ непосильной работѣ.

Если есть Богъ, то это не можетъ и не должно быть. Если же нѣтъ Бога, то съ самой простой человѣческой точки зрѣнія такое устройство жизни, при которомъ большинство людей должно губить свои жизни для того, чтобы малое число людей пользовалось избыткомъ, который только затрудняетъ и развращаетъ это меньшинство,—такое устройство жизни нелѣпо, потому что для всѣхъ невыгодно.

III.

Такъ зачѣмъ же люди живутъ такъ?

Понятно, что богатые люди, привыкшіе къ своему богатству и не видящіе ясно того, что богатство не даетъ счастья, стараются удержать свое положеніе. Но зачѣмъ то

огромное большинство, въ рукахъ котораго всякая власть, зачѣмъ это большинство, полагая счастье въ богатствѣ, живетъ въ нуждѣ и подчиняется меньшинству?

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ всѣ тѣ сильные мускулами и мастерствомъ и привычкой къ труду люди,—огромное большинство людей, подчиняются, покоряются горсти слабыхъ людей, большей частью ни на что неспособныхъ, изнѣженныхъ стариковъ и, главное, женщинъ?

Пройдите передъ праздниками или во время дешевыхъ товаровъ по торговымъ заведеніямъ, хотя бы по пассажирамъ Москвы. Десять или двѣнадцать пассажировъ, состоящихъ изъ сплошныхъ, великолѣпныхъ магазиновъ съ огромными цѣльными стеклами, всѣ наполнены разнообразными дорогими вещами, —исключительно женскими: матеріи, платья, кружева, драгоценные камни, обувь, комнатныя украшенія, мѣха и пр. и пр. Всѣ эти вещи стоятъ милліоны и милліоны, всѣ эти вещи дѣлались на заводахъ часто губящими свои жизни надъ этими работами рабочими, и всѣ эти вещи ни на что не нужны не только рабочимъ, но даже и богатымъ мужчинамъ, все это забавы и украшенія женщинъ. У подъѣздовъ съ обѣихъ сторонъ стоятъ швейцары въ галунахъ и кучера въ дорогахъ

одеждахъ, сидя на козлахъ дорогихъ экипажей, запряженныхъ тысячными рысаками. Опять милліоны рабочихъ дней потрачены на производство всей этой роскоши запряжекъ: старые, молодые рабочіе, мужчины, женщины посвящали цѣлыя жизни на производство всѣхъ этихъ предметовъ. И всѣ эти предметы во власти и въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ женщинъ, въ по послѣдней модѣ дорогихъ шубкахъ и шляпахъ шныряющихъ по этимъ магазинамъ и покупающихъ всѣ эти приготовленные только для нихъ предметы.

Нѣсколько сотенъ женщинъ распоряжаются по своему произволу трудомъ милліоновъ людей тружениковъ, работающихъ для прокормленія себя и своихъ семей. Отъ произвола этихъ женщинъ зависитъ судьба, жизнь милліоновъ людей.

Какъ это случилось?

Для чего всѣ эти милліоны сильныхъ людей, которые работали эти предметы, подчиняются этимъ жепщинамъ?

Вотъ подъѣзжаетъ на парѣ рысаковъ барыня въ бархатной шубѣ и шляпѣ по самой послѣдней модѣ. Все на ней новое и самое дорогое. Швейцарь бросается отстегивать полость ея саней и почтительно подъ локотокъ высаживаетъ ее. Она идетъ по пассажиру, какъ

по своему царству, заходить въ одинъ магазинъ и покупаетъ на 5000 рублей матеріи на гостиную и, приказывая доставить это себѣ на домъ, идетъ дальше. Женщина эта злая, глупая и даже не красивая, и не рожаящая дѣтей, и ничего въ своей жизни для другихъ не сдѣлавшая. Почему же такъ рабочіи увиваются передъ ней и швейцаръ, и кучеръ, и приказчикъ? И почему все то, надъ чѣмъ трудились тысячи рабочихъ, сдѣлалось ея собственностью? Потому что у нея деньги. А и швейцару, и кучеру, и приказчику, и рабочимъ на фабрикѣ необходимы эти деньги, чтобы кормить семьи. Деньги же эти имъ удобнѣе всего, а иногда только и возможно приобрести тѣмъ, чтобы служить кучеромъ, швейцаромъ, приказчикомъ, рабочимъ на фабрикѣ.

А почему деньги у этой женщины? Деньги у этой женщины потому, что люди, согнанные съ земли и отученные отъ всякой другой работы, кромѣ машиннаго тканья матерій на фабрикахъ, живутъ на фабрикѣ ея мужа, мужъ же ея, давая рабочимъ только то, что имъ необходимо для прокормленія, всѣ барыши съ фабрики, нѣсколько сотъ тысячъ, беретъ себѣ и, не зная, куда употребить ихъ, охотно отдаетъ женѣ, чтобы она, на что

ей вздумается, тратила ихъ.

А вотъ другая барыня, въ еще болѣе роскошномъ экипажѣ и одеждѣ, покупаетъ разныя дорогія и ненужныя вещи въ разныхъ магазинахъ. Откуда у этой деньги? Эта — содержанка богача землевладѣльца 20,000 десятинъ, пожалованныхъ его предку распутной царицей за развратъ его съ этой старухой-царицей. Землевладѣлецъ этотъ владѣетъ всей землей вокругъ поселенныхъ въ ней крестьянъ и отдаетъ эту землю крестьянамъ по 17 рублей за десятину. Крестьяне платятъ эти деньги потому, что безъ земли они померли бы съ голоду. И эти деньги теперь въ рукахъ содержанки, и на эти-то деньги она покупаетъ вещи, сдѣланныя другими, согнанными съ земли крестьянами.

А вотъ еще съ женихомъ и матерью ходить по пассажиу третья богатая женщина. Женщина эта выходитъ замужъ и покупаетъ бронзы и дорогую посуду. У этой деньги отъ отца, важнаго чиновника, получающаго 12 тысячъ жалованья. Онъ далъ дочери на приданое 7 тысячъ. Деньги эти собраны съ внутреннихъ и вѣшнихъ податей, съ крестьянъ же. Эти самыя подати заставили и швейцара, который отворяетъ двери (онъ калужскій мужикъ: у него остались дома жена и дѣти),

и кучера-извозчика, который подвезъ ихъ (этотъ — тульскій мужикъ), и сотни, и тысячи, и миллионы людей, работающихъ въ прислугахъ и на фабрикахъ,—побросать дома и работать работу, потребляемую барынями, получившими деньги, собранныя ими съ барышей на фабрикахъ, или съ земли, или съ податей: фабрикантами, землевладѣльцами, чиновниками.

Такъ что подчинились миллионы рабочихъ этимъ женщинамъ потому, что одинъ человекъ завладѣлъ фабрикой, на которой работаютъ люди, другой завладѣлъ землей, а третій—тѣми податями, которыя собираются съ рабочихъ. Отъ этого произошло и то, что я видѣлъ сколо чугунаго завода.

Мужики пахали чужое поле потому, что у нихъ нѣтъ достаточно своей земли, а тотъ, кто владѣетъ землею, позволяетъ имъ пользоваться его землею только съ тѣмъ, чтобы они на него работали. Каменобойцы били камень потому, что только этой работой они могли заплатить требуемыя съ нихъ подати. На заводѣ и въ шахтахъ работали люди потому, что и земля, изъ которой вынимають чугунъ, и заводъ, на которомъ его льютъ, принадлежать не имъ.

Всѣ эти рабочіе работаютъ тяжелую, не

свою работу потому, что богатые люди захватили землю, собирают подати и владѣют заводами.

IV.

Почему же владѣть землей не тотъ, который на ней работаетъ, а тотъ, кто не работаетъ? Почему малое число людей пользуется податями, собираемыми со всѣхъ, а не тѣ, которые платятъ ихъ? Почему владѣютъ заводами не тѣ, которые построили ихъ и работаютъ на нихъ, а малое число людей, которые не строили ихъ и не работаютъ на нихъ?

На вопросъ: отчего люди не работающіе захватили земли работающихъ?—обычный отвѣтъ тотъ, что это отъ того, что земля пожалована имъ за заслуги или куплена на заработанныя деньги. На вопросъ о томъ, почему одни люди, малое число людей, не работающіе правители и ихъ помощники собираютъ большую долю богатствъ всѣхъ рабочихъ людей и по своему произволу пользуются ими?—обычный отвѣтъ тотъ, что люди,

пользующіеся деньгами, собираемыми съ народа, управляютъ другими и защищаютъ ихъ и соблюдаютъ между ними порядокъ и благоустройство. На вопросъ же, отчего люди не работающіе, богатые, владѣютъ произведеніями и орудіями труда рабочихъ?—отвѣтъ тотъ, что эти произведенія и орудія труда заработаны ими или ихъ предками.

И всѣ эти люди—какъ землевладѣльцы, такъ и служащіе правительству, и торговцы, и фабриканты, искренно увѣрены въ томъ, что владѣніе ихъ совершенно справедливо, —что они имѣютъ право на такое владѣніе.

А между тѣмъ, ни владѣніе землею, ни собираніе податей и пользованіе ими, ни обладаніе произведеніями и орудіями труда людьми не работающими не имѣетъ никакого оправданія. Владѣніе землею не работающими на ней не имѣетъ оправданія потому, что земля, какъ вода, воздухъ, солнечные лучи,—составляетъ необходимое условіе жизни каждаго человѣка и потому не можетъ быть исключительной собственностью одного. Если земля, а не вода, воздухъ и лучи солнца, сдѣлалась предметомъ собственности, то произошло это не отъ того, что земля не есть такое же необходимое и потому не могущее быть присвоеннымъ условіе существованія вся-

каго человѣка, но только потому, что лишить другихъ людей воды, воздуха и солнца нельзя было, лишить же пользованія землею было возможно.

Земельная собственность какъ возникла изъ насилія, (завоеваніемъ присвоивали себѣ землю и потомъ раздавали и продавали ее), такъ и осталась, несмотря на всѣ попытки обратить ее въ право, только насиліемъ сильнымъ и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ.

Нарушь человѣкъ, работающій на землѣ, это воображаемое п р а в о, начни пахать землю, считающуюся собственностью другого, и тотчасъ же явится то, на чемъ основано это мнимое право, — сначала въ видѣ полицейскихъ, а потомъ и военной силы—солдатъ, которые будутъ колоть, стрѣлять въ тѣхъ, которые захотятъ воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ правомъ кормиться работой на землѣ. Такъ что то, что называется правомъ на собственность земли, есть только насиліе надъ всѣми тѣми людьми, которые могутъ нуждаться въ этой землѣ. Право на землю подобно праву на дорогу, которую захватили разбойники и по которой не пропускаютъ людей безъ выкупа.

Еще менѣе можетъ найти себѣ подобіе

оправданія право правительства на насильственное взиманіе податей. Утверждается, что подати употребляются на защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ, на установленіе и поддержаніе внутренняго порядка и на устройство всѣмъ нужныхъ общественныхъ дѣлъ.

Но, во-первыхъ, внѣшнихъ враговъ уже давнымъ давно нѣтъ, даже по заявленіямъ самихъ правительствъ: всѣ они увѣряютъ свои народы, что они желаютъ только мира. Германскій императоръ желаетъ мира, Французская республика желаетъ мира, Англія желаетъ мира, и того же желаетъ Россія. Тѣмъ болѣе того же желаютъ трансвальцы и китайцы. Такъ отъ кого же надо защищаться?

Во-вторыхъ, для того, чтобы отдавать деньги для устройства внутренняго порядка и общественныхъ дѣлъ, нужно быть увѣреннымъ, что люди, устраивающіе порядокъ, устроятъ его и, кромѣ того,—что порядокъ этотъ будетъ хорошъ, и что устраиваемыя общественныя дѣла дѣйствительно нужны обществу. Если же, какъ это всегда и вездѣ повторяется, тѣ, кто платятъ подати, не увѣрены въ дѣловитости и даже честности тѣхъ, которые устраиваютъ порядокъ, и, кромѣ того, самый порядокъ этотъ считаютъ дурнымъ,

и устраиваемыя общественныя дѣла совѣмъ не такія, какія нужны плательщикамъ податей, то очевидно, что нѣтъ никакого права собиранія податей, а есть только насиліе.

Помню мудрое слово русскаго мужика, религіознаго и потому истинно свободомыслящаго. Онъ такъ же, какъ Торо, считалъ справедливымъ не давать подати на дѣла, не одобряемая его совѣстью, и когда къ нему пришли съ требованіемъ уплаты его доли податей, онъ спросилъ,—на что пойдутъ подати, которыя онъ дастъ, говоря: если подати пойдутъ на доброе дѣло, то я сейчасъ же дамъ не только то, что вы требуете, но и больше; если же подати пойдутъ на дурное, то я не могу дать и не дамъ добровольно ни копѣйки.

Разумѣется, съ нимъ не стали разговаривать, а сломали запертыя имъ ворота, увели корову и продали на подати. Такъ что въ сущности истинная, настоящая причина податей есть только одна: власть, которая собираетъ ихъ,—возможность ограбить тѣхъ, которые не даютъ охотно, и даже за отказъ избить, заточить въ тюрьму, наказать, какъ это и дѣлаютъ.

То, что въ Англіи, Франціи, Америкѣ и вообще въ конституціонныхъ государствахъ

подати опредѣляются парламентомъ, т. е. мнимо собранными представителями народа, не измѣняетъ дѣла, такъ какъ выборы такъ устроены, что члены парламента не представляютъ народа, а принадлежатъ къ политиканамъ, а если не принадлежали, то становятся ими, какъ скоро попадутъ въ парламентъ, занятыми личными честолюбіями и интересами враждующихъ партій.

Такъ же мало доказательны оправданія мнимаго права собственности не работающихъ на произведенія труда другихъ людей.

Это право собственности, называемое даже священнымъ правомъ, оправдывается обыкновенно тѣмъ, что собственность есть результатъ воздержанности и трудолюбивой дѣятельности, полезной людямъ. А между тѣмъ стоитъ только разсмотрѣть происхожденіе всѣхъ большихъ состояній, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Возникаютъ состоянія всегда или изъ наслія—это самое обыкновенное—или изъ скарденности, или изъ крупнаго мошенничества, или изъ хроническаго обмана, какъ тѣ, которые производятся торговцами. Чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ лишается того состоянія, которое имѣетъ, и чѣмъ безнравственнѣе, тѣмъ вѣрнѣе наживаетъ и

удерживаетъ состояніе. Народная мудрость говоритъ, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ,—что отъ труда будешь не богатъ, а горбатъ. И такъ оно было и въ старину, и тѣмъ болѣе теперь, когда распредѣленіе богатствъ уже давно совершилось самымъ неправильнымъ образомъ. Если и можно допустить, что въ первобытномъ обществѣ человѣкъ болѣе воздержанный и трудолюбивый приобрѣтетъ больше невоздержаннаго и мало работающаго, то въ нашемъ обществѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Какъ бы воздержанъ и трудолюбивъ ни былъ рабочій, работающій на чужой землѣ, покупающій по цѣнѣ, которую ему назначать, необходимые предметы и работающій чужими орудіями труда, онъ никогда не приобрѣтетъ богатства. Человѣкъ же самый невоздержанный и праздный, какъ мы это видимъ на тысячахъ людей, который пристроится къ правительству, къ богатымъ людямъ, который займется ростовщичествомъ, фабричною дѣятельностью, домомъ терпимости, банкомъ, торговлей виномъ, легко наживетъ состояніе.

Законы, будто бы ограждающіе собственность, суть законы, ограждающіе только ограбленную собственность, которая уже находится въ рукахъ богатыхъ, и не только не

ограждаютъ рабочихъ, не имѣющихъ уже никакой собственности, кромѣ своего труда, но только содѣйствуютъ ограбленію этого ихъ труда.

Мы видимъ безчисленное количество администраторовъ: царя, его братьевъ, дядей, министровъ, судей, духовныхъ лицъ, которые получаютъ огромныя содержанія, собранныя съ народа, и не исполняютъ тѣхъ легкихъ даже обязанностей, которыя они взяли на себя исполнять за это вознагражденіе. И потому, казалось бы, эти люди крадутъ собираемое съ народа содержаніе, т. е. собственность народа, но никому и въ голову не приходитъ судить ихъ.

Если же рабочій воспользуется частью денегъ, получаемыхъ этими людьми, или предметами, купленными на эти деньги, то считается, что онъ нарушилъ священную собственность, и его за эти гроши, которыми онъ воспользовался, судятъ, сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ.

Фабрикантъ - миллионеръ обязуется выдать рабочему плату за трудъ, представляющую для него, фабриканта, одну десятиллионную его состоянія, т. е. почти ничто; рабочій же обязуется, вслѣдствіе нужды, выставить въ продолженіе года ежедневную, кромѣ праздниковъ,

12-ти часовую, опасную, вредную для своего здоровья работу, т. е. обязуется отдать фабриканту большую часть своей жизни, может быть и всю жизнь; и правительство одинаково ограждает как ту, так и другую собственность.

Фабрикантъ же при этомъ завѣдомо изъ года въ годъ крадетъ у рабочаго большую долю его заработка и присвоиваетъ себѣ. Казалось бы очевидно, что фабрикантъ похищаетъ большую половину собственности рабочаго и потому долженъ бы подлежать отвѣтственности; но правительство считаетъ нажитую такимъ способомъ собственность фабриканта —священною и казнить рабочаго, унесшаго подъ полой два фунта мѣди, составляющихъ одну миллиардную часть собственности фабриканта.

Попробуй рабочій, какъ это прорывается при еврейскихъ погромахъ, отобрать отъ богачей хоть часть того, что отнято у него по законамъ, попробуй хоть бы голодный, какъ недавно въ Миланѣ, взять тотъ хлѣбъ, который, пользуясь голодомъ, продаютъ рабочимъ по высокимъ цѣнамъ богачи, или попробуй рабочій отобрать посредствомъ стачки хоть часть того, что взято у него, — онъ нарушаетъ священное право собствен-

ности, и правительство со своимъ войскомъ сейчасъ приходитъ на помощь землевладѣльцу, фабриканту, торговцу противъ рабочаго. Такъ что то право, на которомъ богатые люди основываютъ свое владѣніе землею, взиманія податей и обладанія произведеніями труда другихъ людей, не имѣетъ ничего общаго съ справедливостью и, какъ то, такъ и другое, и третье основано только на насиліи, производимомъ войскомъ.

V.

Задумаетъ ли рабочій пахать землю, которая ему нужна для пропитанія, попытается ли онъ уклониться отъ уплаты податей—прямыхъ или косвенныхъ, или попытается взять запасы хлѣба, имъ же произведенные, или орудія труда, безъ которыхъ онъ не можетъ работать,—явится войско и силою воспренятствуетъ ему въ этомъ.

Такъ что отчужденіе земли, взиманіе податей, власть капиталистовъ составляетъ не основную причину бѣдственнаго положенія рабочихъ, а только слѣдствіе. Основная же

причина того, что миллионы рабочихъ людей живутъ и работаютъ по волѣ меньшинства, — не въ томъ, что меньшинство это захватило землю, орудія производства и беретъ подати, а въ томъ, что оно можетъ это дѣлать, — что есть насиліе, есть войско, которое находится въ рукахъ меньшинства, и готовое убивать тѣхъ, которые не хотятъ исполнять волю этого меньшинства.

Когда крестьяне хотятъ завладѣть землей, которая считается собственностью не работающаго человѣка, или когда человѣкъ хочетъ не заплатить подати, или когда стачечники хотятъ помѣшать другимъ рабочимъ стать на ихъ мѣсто, — являются тѣ самые крестьяне, у которыхъ отнята земля — плательщики податей и рабочіе, только въ мундирахъ и съ ружьями, заставляющіе своихъ братьевъ — не въ мундирахъ — сойти съ земли, отдать подати и прекратить стачку.

Когда въ первый разъ поймешь это, то не вѣришь себѣ, такъ это странно.

Рабочіе хотятъ освободиться, и сами же рабочіе заставляютъ себя покориться и оставаться въ рабствѣ.

Зачѣмъ же они дѣлаютъ это?

А затѣмъ, что рабочіе, взятые или нанятые въ солдаты, подвергаются искусному про-

цессу одуренія и развращенія, послѣ котораго они уже не могутъ не повиноваться слѣпо начальникамъ, что бы ихъ ни заставили дѣлать.

Дѣлается это вотъ какъ: родится мальчикъ въ деревнѣ или городѣ. Во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, какъ только мальчикъ достигнетъ того возраста, когда сила, ловкость и гибкость доходятъ до высшей степени, душевныя же силы находятся въ самомъ смутномъ, неопредѣленномъ состояніи (около 20 лѣтъ), такъ мальчика берутъ въ солдаты, осматриваютъ, какъ рабочую скотину, и если онъ физически исправенъ и силенъ, его зачисляють, смотря по годности, въ какую-нибудь часть войска и заставляютъ торжественно присягать въ томъ, что онъ будетъ рабски повиноваться своимъ начальникамъ, потомъ удаляютъ отъ всѣхъ прежнихъ условій, поятъ водкой или пивомъ, наряжаютъ въ пеструю одежду и вмѣстѣ съ такими же другими ребятами запирають въ казармы, гдѣ онъ въ полной праздности (т. е. не дѣлая никакой полезной, разумной работы) обучается самымъ нелѣпымъ солдатскимъ правиламъ и названіямъ вещей, и употребленію орудій убійства: сабли, штыка, ружья, пушки, главное же, обучается не только безпрекослов-

ному, но механически - рефлeкторному повиновенію приставленнымъ къ нему начальникамъ. Такъ это происходитъ въ государствахъ, гдѣ есть военная повинность; гдѣ же ея нѣтъ, приставленные къ этому люди отыскиваютъ вездѣ заболтавшихся, не желающихъ или не умѣющихъ жить честнымъ трудомъ, большей частью развращенныхъ, но сильныхъ людей, подпаваютъ, подкупаютъ ихъ и забираютъ въ солдаты, и такъ же запираютъ въ казармы и подвергаютъ той же муштровкѣ. Главная задача начальниковъ въ томъ, чтобы довести этихъ людей до состоянія той лягушки, которая при прикосновеніи къ ней неудержимо дрыгаетъ ножкой. Хорошій солдатъ—тотъ, который такъ же, какъ и эта лягушка, на извѣстные крики начальника безсознательно отвѣчаетъ требуемымъ движеніемъ. Достигается это тѣмъ, что несчастныхъ людей этихъ, одѣтыхъ въ одинакія пестрыя одежды, въ продолженіе недѣль, мѣсяцевъ, годовъ заставляютъ—при звукахъ барабана и музыки—ходить, вертѣться, прыгать и дѣлать все вмѣстѣ, въ разъ—по командѣ. За всякое же ослушаніе наказываютъ самыми жестокими наказаніями, даже смертью. При этомъ пьянство, развратъ, праздность, сквернословіе, убійство не только не воспрещаются, но учреждаются: солдатъ

поятъ водкой, устраиваютъ для нихъ дома терпимости, учатъ пахабнымъ пѣснямъ и обучаютъ убійству. (Убійство до такой степени въ этомъ кругѣ людей считается хорошимъ и похвальнымъ дѣломъ, что отъ офицеровъ-начальниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ требуютъ убійства друга, называемаго дуэлью.) И вотъ смиренный, кроткій малый, пробывъ въ такой школѣ около года (раньше этого солдатъ бываетъ еще не готовъ, т. е. въ немъ остаются еще человѣческія свойства), дѣлается тѣмъ, что изъ него желаютъ сдѣлать, —безмысленнымъ и жестокимъ, могущественнымъ и ужаснымъ орудіемъ насилія въ рукахъ своихъ начальниковъ.

Всякій разъ, когда зимою я въ Москвѣ прохожу мимо дворца и вижу у будки молодого малаго—часового, который, въ своемъ тяжеломъ тулупѣ, стоитъ или ходитъ, шлепая огромными калошами по тротуару, поддерживая на плечѣ послѣдняго образца ружье съ отточеннымъ штыкомъ, я всегда взглядываю ему въ глаза, и всякій разъ онъ створачивается отъ моего взгляда, и всякій разъ мнѣ думается: вѣдь, вотъ—годъ или два тому назадъ это былъ веселый деревенскій паренъ—естественный, добродушный, который весело заговорилъ бы со мной хорошимъ русскимъ

языкомъ, рассказалъ бы мнѣ, съ сознаниемъ своего крестьянскаго достоинства, всю свою исторію; теперь же онъ злобно и мрачно смотритъ на меня и на всѣ вопросы умѣеть отвѣчать только: „такъ точно-съ“ и „не могу знать“. Если бы я, что мнѣ всегда хочется сдѣлать, пошелъ бы въ ту дверь, у которой онъ стоитъ, или схватилъ бы рукой за его ружье, онъ, ни минуты не задумываясь, проткнулъ бы мнѣ штыкомъ животъ, выдернулъ бы штыкъ изъ раны, обтеръ его и продолжалъ бы ходить, шлепая калошами по асфальту, пока пришелъ бы со смѣной ефрейторъ, на ухо передавая ему пароль и лозунгъ. И вѣдь такой не одинъ, думается мнѣ. Такихъ обращенныхъ въ машины, вооруженныхъ ружьями ребятъ, почти дѣтей—тысячи въ одной Москвѣ. Ихъ миллионы по всей Россіи и по всему свѣту. Взяли этихъ бессмысленныхъ, но сильныхъ, ловкихъ ребятъ, развратили, подкупили ихъ и, благодаря имъ, властвуютъ надъ міромъ. Вѣдь это ужасно. Ужасно то, что дурные, праздные люди, благодаря этимъ обманутымъ людямъ, обладаютъ всѣми этими дворцами и преступно приобрѣтеннымъ богатствомъ, т. е. трудомъ всего народа. Но ужаснѣе всего тутъ то, что для того, чтобы сдѣлать это, имъ надо было озвѣ-

рить этихъ простыхъ, добрыхъ ребятъ, и они отчасти достигли этого.

Пускай бы тѣ, кто владѣють богатствами, сами бы защищали ихъ. Это не было бы такъ отвратительно. Но ужасно то, что для того, чтобы грабить людей и защищать ограбленное, они употребляютъ тѣхъ самыхъ, кого грѣбать, и для этого развращаютъ ихъ души.

Такъ что насилуютъ солдаты изъ рабочихъ своего же брата рабочаго потому, что существуетъ средство сдѣлать изъ людей безсознательное орудіе убійства, и правительства, забирая наборами или наймомъ солдатъ, употребляютъ надъ ними это средство.

VI.

Но если это такъ, то невольно является вопросъ: зачѣмъ же люди идутъ въ солдаты?

Зачѣмъ отцы ихъ отпускають ихъ?

Они могли идти въ солдаты и подвергаться дисциплинѣ до тѣхъ поръ, пока не видали послѣдствій этого. Но, разъ увидавъ, что происходитъ отъ этого, зачѣмъ они продолжаютъ подвергаться этому обману?

Происходитъ это отъ того, что они считаютъ военную службу не только дѣломъ полезнымъ, но несомнѣнно почтеннымъ и добрымъ. А считаютъ они, что военная служба дѣло почтенное и доброе потому, что такъ это внушено имъ тѣмъ ученіемъ, которому они подвергаются съ дѣтскихъ лѣтъ и въ которомъ усиленно поддерживаются въ взросломъ возрастѣ.

И потому существованіе войска есть тоже не основная причина, а только слѣдствіе. Основная же причина—въ томъ ученіи, которое внушаетъ людямъ, что военная служба, имѣющая цѣлью убійство людей, есть дѣло не только безгрѣшное, но хорошее, доблестное и похвальное. Такъ что причина бѣдственнаго положенія людей лежитъ еще дальше, чѣмъ это кажется сначала.

Сначала кажется, что все дѣло въ томъ, что землевладѣльцы захватили землю, капиталисты — орудія труда, а правительство насильно беретъ подати; но когда спросишь

себя: почему земля принадлежит богатымъ, а рабочіе не могутъ пользоваться ею, и почему рабочіе должны отдавать подати, не пользуясь ими, и почему не рабочіе, а капиталисты владѣютъ орудіями производства? —то видишь, что это отъ того, что есть войско, которое удерживаетъ землю за богатыми, собираетъ подати съ рабочихъ для богатыхъ и удерживаетъ за богатыми ихъ фабрики и дорогія машины. Когда же спросишь себя, какимъ образомъ составляющіе войско тѣ самые рабочіе, у которыхъ отнимаютъ то, что имъ нужно, — нападаютъ на самихъ себя, на своихъ отцовъ и братьевъ, то видишь, что причина этого въ томъ, что взятыхъ по набору или вольному найму солдатъ, посредствомъ предназначенныхъ для этого особыхъ пріемовъ, такъ обучаютъ, что они лишаются всего человѣческаго и превращаются въ безсознательныхъ, покорныхъ своимъ начальникамъ орудія убійства. Когда же, наконецъ, спросишь себя, почему же люди, видя такой обманъ, продолжаютъ поступать въ солдаты или давать подати на наемъ ихъ, то видишь, что причина этого въ томъ ученіи, которое внушается не только людямъ, которыхъ берутъ въ солдаты, но всѣмъ людямъ вообще, —ученіи, по которому военная служба

есть дѣло доброе и похвальное, и убійство на войнѣ есть дѣло безгрѣшное.

Такъ что основная причина всего — есть ученіе, которое внушается людямъ.

Отъ этого и нищета, и развратъ, и ненависть, и казни, и убійства.

Какое же это ученіе?

Ученіе это называется христіанскимъ и состоитъ въ слѣдующемъ: есть Богъ, 6000 лѣтъ тому назадъ сотворившій міръ и чело-вѣка Адама. Адамъ согрѣшилъ, и Богъ наказалъ за это всѣхъ людей, а потомъ послалъ своего сына, тоже такого же Бога, какъ и Отець, на землю съ тѣмъ, чтобы его тамъ повѣсили! Это самое повѣшеніе и служить для людей средствомъ избавленія отъ ихъ наказанія за грѣхъ Адама.

Если люди вѣрятъ въ это, то они будутъ прощены за грѣхъ Адама, если же не вѣрятъ, то будутъ жестоко наказаны. Доказательствомъ же того, что все это — правда, служить то, что все это открыто людямъ тѣмъ самымъ Богомъ, свѣдѣнія о существованіи котораго получены отъ тѣхъ самыхъ людей, которые все это проповѣдываютъ. Не говоря о разныхъ, смотря по различнымъ неповѣданіямъ, измѣченіяхъ къ этому основному ученію, — общій, практическій выводъ

изъ него во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ одинъ и тотъ же, а именно тотъ, что люди должны вѣрить и тому, что имъ проповѣдуется, и повиноваться существующимъ властямъ.

Это-то ученіе и составляетъ основную причину того обмана, по которому люди, считая военную службу полезнымъ и добрымъ дѣломъ, поступаютъ въ солдаты и, обращаясь въ безвольныя машины, угнетаютъ самихъ себя. Если и есть среди обманутыхъ людей невѣрующіе, то эти невѣрующіе не вѣрують и ни во что другое и, вслѣдствіе этого, не имѣя точки опоры, подчиняются общему теченію и такъ же, какъ и вѣрующіе, несмотря на то, что видятъ обманъ, подчиняются ему.

И потому для уничтоженія того зла, отъ котораго страдаютъ люди, нужно не освобожденіе земли, не уничтоженіе податей, и не обобществленіе орудій производства, и даже не сверженіе существующаго правительства, а нужно уничтоженіе того ложнаго ученія, называемаго „христіанскимъ“, въ которомъ воспитываются люди нашего времени.

VII.

Сначала кажется страннымъ людямъ, знающимъ евангеліе, какимъ образомъ христіанство, проповѣдующее сыновность Богу, духовную свободу, братство людей, уничтоженіе всякаго насилія и любовь къ врагамъ, могло выродиться въ это странное, называемое людьми „христіанскимъ“ ученіе, проповѣдующее слѣпое повиновеніе властямъ и тогда, когда власти требуютъ этого, — и убійство. Но когда вдумаешься въ тотъ процессъ, которымъ христіанство входило и вошло въ міръ, — то видишь, что это такъ и должно было быть.

Когда языческіе властители Константинъ, Карлъ Великій, Владиміръ принимали окутанное въ языческія формы христіанство и крестили въ него свои народы, — имъ и въ голову не приходило, что принимаемое ими ученіе расторгало и царскую власть, и войско, и самое государство, т. е. все то, безъ чего не могли себѣ представить жизни всѣ тѣ, которые первые приняли и вводили христіанство. Разрушительная сила христіанства была въ первое время не только не замѣтна лю-

дямъ, по имъ казалось, что христіанство поддерживало ихъ власть. Но чѣмъ дальше жили христіанскіе народы, тѣмъ больше и больше выяснялась сущность христіанства, и тѣмъ очевиднѣе становилась заключающаяся въ христіанствѣ для языческаго строя опасность. А чѣмъ очевиднѣе становилась эта опасность, тѣмъ заботливѣе старались правящіе классы о томъ, чтобы заглушить, а если возможно, и затушить тотъ огонь, который они безсознательно внесли въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Они употребляли для этого всевозможныя средства: и запрещеніе перевода и чтенія евангелій, и избіенія всѣхъ тѣхъ, кто указывалъ на истинный смыслъ христіанскаго ученія, и гинотизацію массъ — торжественностью и блескомъ обстановки, и главное, хитросплетенныя, утонченныя толкованія христіанскихъ положеній. По мѣрѣ же употребленія этихъ средствъ, христіанство все болѣе и болѣе измѣнялось и, наконецъ, сдѣлалось такимъ ученіемъ, которое не только не носило въ себѣ опасныхъ для языческаго строя началъ, но оправдывало этотъ языческій строй съ мнимо христіанской точки зрѣнія. Явились и христіанскіе владыки, и христіанское воинство, и христіанское богатство, и христіанскіе суды, и христіанскія казни.

Правящіе классы сдѣлали по отношенію христіанства то самое, что врачи дѣлають по отношенію заразныхъ болѣзней. Они выработали такую культуру безвреднаго христіанства, что при прививкѣ его настоящее христіанство уже становится безопаснымъ. Это церковное христіанство — таково, что оно, неизбѣжно, или отталкиваетъ разумныхъ людей, представляясь имъ ужасающей нелѣпостью, или же, усвоиваясь людьми, до такой степени удаляетъ ихъ отъ истиннаго христіанства, что они сквозь него уже не видятъ истиннаго значенія его и даже съ враждебностью и озлобленіемъ относятся къ этому его истинному значенію.

Вотъ это-то выработавшееся вѣками, по чувству самосохраненія, среди властвующихъ классовъ, прививаемое народу обезвреженное ложное христіанство и составляетъ то ученіе, вслѣдствіе котораго люди покорно совершаютъ не только вредные для себя и своихъ близкихъ поступки, но и прямо безнравственные и несогласные съ требованіями совѣсти, изъ которыхъ самымъ важнымъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ есть поступленіе въ военную службу, т. е. готовность къ убійству.

Вредъ этого обезвреженнаго ложнаго христіанства состоитъ, преимущественно, въ томъ,

что оно ничего не предписываетъ, ничего не возбраняетъ. Всѣ древнія ученія — какъ законъ Моисея и законъ Ману — даютъ правила, требующія или воспреещающія извѣстные поступки; таковы же и буддійская, и магометанская религiи; церковная же вѣра не даетъ никакихъ правилъ, кромѣ словеснаго исповѣданія, признанія догматовъ, постовъ, говѣнiя, молитвъ (и на тѣ даже придуманы для богатыхъ людей обходы), а только лжетъ и все разрѣшаетъ, даже и то, что противно самымъ низменнымъ требованiямъ нравственности. По этой церковной вѣрѣ все можно. Владѣть рабами — можно (и въ Европѣ, и въ Америкѣ церковь была защитницей рабовладѣнiя). Наживать имущество, добываемое трудомъ угнетаемыхъ братьевъ, можно. Быть богатымъ среди Лазарей, ползающихъ подъ столами пирующихъ, — не только можно, но хорошо и похвально, если жертвовать при этомъ одну тысячную на церкви или больницы. Удерживать отъ нуждающихся свои богатства силою, заточать въ одиночныя тюрьмы, заковывать въ цѣпи, приковывать къ тачкамъ, казнить, — все это церковь благословляетъ. Распутничать всю молодую жизнь, а потомъ одно изъ такихъ распутствъ назвать бракомъ и получить на

это разрѣшеніе церкви — можно. Можно развестись и опять жениться. Можно, главное, убивать, защищая не только себя, но и свои яблоки, можно убивать и въ наказаніе (наказаніе значить поученіе — убивать въ поученіе!) и, главное, можно и должно и похвально убивать на войнѣ — по приказанію начальства; церковь не только разрѣшаетъ, но повелѣваетъ это.

Такъ что корень всего—въ ложномъ ученіи.

Уничтожься ложное ученіе — и не будетъ войска; а не будетъ войска, и сами собой уничтожатся тѣ насилія, то угнетеніе и то развращеніе, которыя совершаются надъ народами. До тѣхъ же поръ, пока люди будутъ воспитываться въ ложно-христіанскомъ ученіи, все, до убійства включительно, разрѣшающемъ, — войско будетъ въ рукахъ меньшинства; меньшинство же это всегда будетъ пользоваться этимъ войскомъ для отбиранія отъ народа произведеній его труда и, что хуже всего, для развращенія народа, потому что безъ развращенія народа оно не могло бы отнимать отъ него произведеній его труда.

VIII.

Корень всѣхъ бѣдствій народа—въ томъ ложномъ ученіи, которое подъ видомъ христіанскаго преподается ему.

И потому, казалось бы, очевидно, что обязанность всякаго человѣка, освободившагося отъ религіознаго обмана и желающаго служить народу, состоитъ въ томъ, чтобы словомъ и дѣломъ помогать обманутымъ людямъ освобождаться отъ того обмана, который составляетъ причину ихъ бѣдственнаго положенія. Казалось бы, что, кромѣ общей обязанности каждаго нравственнаго человѣка обличать ложь и исповѣдывать ту истину, которую онъ знаетъ, всякій желающій служить народу человѣкъ не можетъ изъ состраданія не желать избавить своихъ братьевъ отъ причиняющаго имъ всякія бѣдствія обмана, въ которомъ они находятся. А между тѣмъ, тѣ самые люди, свободные отъ обмана и независимые и образованные на средства рабочаго народа и по этому одному уже обязанные служить ему, — не видятъ этого.

„Религіозное ученіе не важно,—говорятъ эти люди. Это дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка. Важно и нужно, — политическое, соціальное, экономическое устройство об-

щества, и на это должны быть направлены все усилия людей, желающих служить народу. А религиозныя ученія все не важны и, какъ все суевѣрія, сами собой исчезнутъ въ свое время“. Такъ говорятъ эти образованные люди и, желая служить народу, одни изъ нихъ поступаютъ на службу къ правительству: въ войска, духовенство, члены парламентовъ, и стараются, не обличая того религиознаго обмана, въ которомъ находится народъ, своимъ участіемъ въ правительственной дѣятельности улучшить внѣшнія формы жизни обманутаго народа; другіе, революціонеры, точно такъ же не касаясь вѣрованій народа, вступаютъ въ борьбу съ правительствами, стараясь овладѣть властью тѣми же самыми, какъ и правительства, средствами обмана и насилія; третьи — социалисты, устраиваютъ рабочіе союзы, товарищества, стачки, полагая, что состояніе народа, — несмотря на то, что онъ будетъ оставаться въ томъ же производимомъ ложнымъ ученіемъ заблужденіи суевѣрія или невѣрія, — можетъ быть улучшено. И ни тѣ, ни другіе, ни третьи не только не препятствуютъ распространенію ложной религіи, на которой основано все зло, но когда въ томъ встрѣчается необходимость, — исполняютъ признаваемые ими лжи-

выми религиозные обряды: — сами присягаютъ, участвуютъ въ богослуженіяхъ и торжествахъ, одуряющихъ народъ, и не препятствуютъ обученію своихъ и чужихъ дѣтей въ школѣ, такъ называемому, закону Божію, — той самой лжи, на которой основано порабощеніе народа. Это-то непониманіе образованными людьми (тѣми самыми, которые болѣе всѣхъ другихъ и могли, и должны бы были разрушать ложное ученіе) того, въ чемъ главная причина зла, и именно на что и должны быть направлены всѣ ихъ усилія, и отвлеченіе этихъ усилій на ложные пути—и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ того, что существующій строй жизни, очевидно ложный и губительный для людей, упорно продолжаетъ держаться, несмотря на признаніе уже всѣми его несостоятельность.

Отъ того, что скрыто отъ людей истинное христіанское ученіе, соотвѣтствующее требованіямъ нашего времени, и на мѣсто его проповѣдуется ложное — отъ этого всѣ бѣдствія нашего міра.

Только бы люди, желающіе служить Богу и своимъ ближнимъ, поняли, что человѣчество движется не животными требованіями, а духовными силами, и что главная движущая человѣчество духовная сила есть религія,

т. е. опредѣленіе смысла жизни, и, вслѣдствіе этого смысла, различеніе хорошаго отъ дурнаго, и важнаго отъ неважнаго. Только бы поняли это люди, и они тотчасъ же увидали бы, что основная причина бѣдствій теперешняго человѣчества не во внѣшнихъ матеріальныхъ причинахъ: — не въ политическихъ, не въ экономическихъ условіяхъ, а въ извращеніи христіанской религіи — въ замѣнѣ истинъ, нужныхъ человѣчеству и соответствующихъ его теперешнему возрасту, собраніемъ безсмысленныхъ, безнравственныхъ нелѣпостей и кощунствъ, называемыхъ церковной вѣрой, посредствомъ которыхъ нехорошее считается хорошимъ, и неважное — важнымъ, и наоборотъ: — хорошее нехорошимъ и важное неважнымъ.

Только бы лучшіе, независимые люди, желающіе искренно служить народу, поняли, что невозможно никакими внѣшними мѣрами улучшить положеніе человѣка, считающаго нехорошимъ ѣсть мясо въ пятницу и хорошимъ то, чтобы наказать смерью провинившагося человѣка, и важнымъ — то, чтобы была оказана подобающая почеть иконѣ или императору, а неважнымъ то, чтобы присягнуть на исполненіе воли другихъ людей и обучаться убійству. Только бы люди

поняли, что никакіе парламенты, стачки, союзы, потребительныя и производительныя общества, изобрѣтенія, школы, университеты и академіи, никакія революціи никакой существенной пользы не могутъ сдѣлать людямъ съ ложнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, и тогда сами собою всѣ силы лучшихъ людей направились бы на причину, а не на послѣдствія, — не на государственную дѣятельность, не на революцію, не на социализмъ, а на обличеніе ложнаго религіознаго ученія и возстановленіе истиннаго.

Только бы поступали такъ люди, и сами собою разрѣшились бы всѣ: и политическіе, и экономическіе, и социальныя вопросы, — такъ, какъ имъ нужно быть разрѣшенными, а не такъ, какъ мы предугадываемъ и предписываемъ.

Разрѣшатся всѣ эти вопросы, разумѣется, не сейчасъ и не по нашему желанію, какъ мы привыкли устраивать жизнь другихъ людей, заботясь только о томъ, чтобы жизнь эта, по внѣшнему, была похожа на то, что намъ хочется (то самое, что дѣлаютъ всѣ правительства); но вопросы эти навѣрно разрѣшатся, если только измѣнится религіозное міросозерцаніе людей, и тѣмъ скорѣе разрѣшатся, чѣмъ больше мы будемъ прила-

гать наши силы не на послѣдствія, а на причину явленій.

Но обличеніе лживой религіи и утвержденіе истинной есть очень отдаленное и медленное средство,—говорять на это. Отдаленное оно или медленное, оно, — единственное или, по крайней мѣрѣ, такое, безъ котораго никакія другія средства не могутъ быть дѣйствительны.

Глядя на ужасное, противное и разуму, и чувству устройство человѣческой жизни, я спрашивалъ себя: неужели это такъ надо?

И отвѣтъ, къ которому я прихожу — тотъ, что нѣтъ, этого не надо.

Не надо этого, и не должно быть и не будетъ.

Но не будетъ не тогда, когда люди такъ или иначе перестроятъ свои отношенія, а только тогда, когда люди перестанутъ вѣрить въ ту ложь, въ которой они воспитываются, и повѣрятъ въ высшую истину, которая уже 1900 лѣтъ открыта имъ и — ясна, проста и доступна ихъ разуму.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна,

14 октября 1900 г.

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 09 02 14 012 6